

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

В.Г. Сироткин, Д.С. Алексеев

СССР И СОЗДАНИЕ БРЕТТОН-ВУДСКОЙ СИСТЕМЫ 1941–1945 ГГ.: ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Сегодня мало кто не знает аббревиатур международных финансовых организаций – МВФ и ВБ (первоначально МБРР – Международный банк реконструкции и развития), учрежденных в июле 1944 г. проходившей под эгидой ООН в городе Бреттон-Вудс (штат Нью Гемпшир, США) международной финансовой конференцией 44 стран-союзников по антифашистской коалиции во Второй мировой войне.

СССР был не только представлен на этой конференции официальной делегацией во главе с заместителем наркома по внешней торговле М.С. Степановым, но и подписал все учредительные финансово-экономические документы (включая уставы МВФ и МБРР), войдя, таким образом, теоретически с 1944 г. в Бреттон-Вудскую финансовую систему, основанную на американском долларе как международной валютной платежной единице¹.

В наше время только узкие специалисты, изучающие послевоенную финансовую систему, знают о весьма сочувственном отношении в 1944–1945 гг. советских экономистов к проектам Бреттон-Вудской конференции. Один из них – И. Трахтенберг – писал в 1944 г. на страницах ведущего ме-

---

¹ См.: US Treasury. United Nations Monetary and Financial Conference. Bretton Woods. International Monetary Fund and International Bank for Reconstruction and Development. Articles of Agreement. Washington, 1944.

ждународного экономического журнала СССР «Мировое хозяйство и мировая политика»: «...мы заинтересованы в стабильности валюты зарубежных стран, как тех, куда мы экспортируем товары, так и тех, откуда мы товары импортируем. Мы заинтересованы в развитии мировой торговли. Всякого рода мероприятия, которые, в какой бы то ни было мере могут способствовать разрешению указанных задач, в том числе и валютные мероприятия, должны поэтому привлекать наше внимание»².

Еще бы не были заинтересованы! Уже в 1943 г. в Тегеране, а в 1944 г. в Бреттон-Вудсе президент США Ф. Д. Рузвельт сначала посулил, а затем и пообещал Сталину огромный по тем временам беспроцентный займ в 6 млрд «золотых» долларов (!) в качестве своеобразного продолжения военно-экономической помощи по ленд-лизу на восстановление хозяйства СССР, разрушенного войной.

А когда в Москве в апреле 1944 г. от одного из советских разведчиков «кембриджской пятерки» Дональда Маклина (он работал под «крышей» первого секретаря посольства Великобритании в Вашингтоне) получили секретное сообщение, что США готовы довести эту помощь до 10 млрд долл., Молотов по указанию Сталина отправил в советское посольство в США шифrogramму: готовы участвовать в Бреттон-Вудской конференции! Для современников поясним порядок цифр: на Крымской (Ялтинской) конференции, прошедшей почти год спустя после донесения Маклина, в феврале 1945 г., все репарации с Германии определялись в 20 млрд долл., из них половина (10 млрд) – СССР, 8 млрд – Англии и США вместе и 2 млрд – всем остальным. Но Бреттон-Вудский «дар Рузвельта» в эту советскую «квоту Ялты» не входил, т. е. в 1944–1945 гг. Сталин мог рассчитывать на огромную сумму в 20 млрд долл.

И тем не менее это столь успешно начатое в 1944 г. финансовое партнерство Рузвельта – Сталина так и не состоялось: в декабре 1945 г. СССР окончательно отказался ратифицировать ранее подписанные им Бреттон-Вудские соглашения по МВФ и МБРР, а с 1947 г. активно выступил против «плана Маршалла» (восстановления экономики и финансов Европы). Почему?

Послевоенная валютно-финансовая система при своем основании оказалась тесно связанной с проблемами глобального переустройства, т. е. с пересмотром границ и сфер влияния, зафиксированных в Ялтинско-Потдсдамских соглашениях 1945 года. Пакету Бреттон-Вудса и Ялты-Потдсама предшествовали Тегеранские соглашения 1943 г., а еще ранее – Атлантическая хартия августа 1941 г. (с 1949 г. – идеологическая база НА-

---

² Трахтенберг И. Проекты международных валютных соглашений // Мировое хозяйство и международная политика. 1944. № 1. С. 40.

ТО), которую 24 сентября 1941 г. в Лондоне подписал и СССР³. Но позднее, с началом холодной войны и пропагандистским противостоянием двух «лагерей» (в ответ на англо-американскую публикацию документов «Нацистско-советские отношения, 1939–1941 гг.» советские публицисты выпустили справку «Фальсификаторы истории», 1948 г.) все эти позитивные элементы антифашистского сотрудничества – Атлантическая хартия, Бреттон-Вудс, денацификация в Германии и странах-союзниках III рейха (Италии, Венгрии, Румынии и др.) – были либо забыты, либо фальсифицированы.

Так, Второй фронт в соответствии с Атлантической хартией был действительно открыт союзниками в Европе (о. Сицилия) еще в 1942 г., а в 1943 г. фашистская Италия была выведена из войны (союзники заняли весь ее юг вплоть до Рима), но в СССР признавали датой открытия только 6 июня 1944 г. – день высадки союзников в Нормандии.

Точно так же преуменьшалось значение военной помощи США по ленд-лизу, особенно в 1941–1942 гг. И лишь в 90-х гг. прошлого века в России началось восстановление исторической правды⁴, включая и правду об участии СССР в Бреттон-Вудской конференции 1944 года⁵.

Впрочем, отдельные сборники статей о «новом прочтении» истории холодной войны, основанные на отечественных исторических источниках и мемуарах⁶, не раскрывают всего комплекса проблем послевоенного мироустройства, ибо, как правило, игнорируют англо-американские источники. Отсюда – умозрительные построения относительно позиции партнеров Сталина в США, отсутствие анализа борьбы группировок вокруг Ф. Д. Рузвельта (госдеп и казначейство), игнорирование деятельности ближайших советников американского президента Генри Моргентау и Гарри Декстера Уайта, фактических «отцов-основателей» Бреттон-Вудской системы, в орбиту которой оба хотели включить и послевоенный сталинский СССР.

Игнорируется и роль «гуру» межвоенного этатистского капитализма профессора Кембриджского университета Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946 гг.), представившего на Бреттон-Вудскую конференцию через британское Министерство финансов свой проект переустройства мировых

---

³ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 111.

⁴ См., в частности: СССР и «холодная война»: Сб. ст. М., 1995; Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение. М., 1995; *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1992.

⁵ См.: *Будс Р. Б.* Бреттон-Вудская конференция Объединенных Наций в 1944 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2; *Шенин С. Ю.* Еще раз об истоках «холодной войны»: Бреттон-Вудский аспект // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 4–5.

⁶ См.: *Корниенко Г. М.* Холодная война: свидетельство ее участника. М., 1995.

финансов, учитывавший неудачный опыт аналогичных решений после Первой мировой войны (в 1919–1929 гг. проф. Кейнс представлял британское казначейство в Высшем экономическом совете Антанты).

В целом с американской и частично английской стороны Бреттон-Вудская международная финансовая конференция виделась не частным собранием мелких банкиров, озабоченных лишь возвращением потерянных в ходе войны личных капиталов, а первым шагом к созданию глобальной финансово-политической системы, призванной закрепить победу антифашистской коалиции в послевоенном мире.

И самым важным в этой системе на ее первоначальной стадии было несомненное желание Рузвельта включить в нее и СССР. Более того, Моргантау и особенно Уайт (именно он предлагал Рузвельту увеличить помощь послевоенному СССР с 6 до 10 млрд «золотых» долл.) вообще уповали на длительный союз и сотрудничество двух сверхдержав – США и СССР – в послевоенном мире. Они ссылались при этом на исторические прецеденты: нейтральную морскую торговлю США и России в 1808–1812 гг. в период наполеоновской континентальной блокады, военноморское сотрудничество двух стран в 1861–1864 гг. в период Гражданской войны в США (две русские морские эскадры у берегов Северной Америки, мешавшие южанам высаживать *диверсионные группы* на морском побережье северян), продажу Аляски в 1867 г. в обмен на благожелательный нейтралитет США при русском завоевании Средней Азии и т.п.

Решающая роль в планах включения СССР в 1944–1945 гг. в новую послевоенную финансово-экономическую систему – некий прообраз «экономической ООН» – принадлежала Ф.-Д. Рузвельту. Ученик и последователь президента-демократа Вудро Вильсона, выдвинутый им в свою команду еще в начале XX в., Рузвельт, как и его патрон, тяготел к глобальным решениям. Вильсон, как известно, был главным теоретиком и практиком-творцом Версальской системы после Первой мировой войны, основанной на *праве наций* (развал Австро-Венгерской, Османской и частично Российской империй на конгломерат маленьких, как правило, мононациональных государств, гарантом целостности которых должна была стать Лига Наций). Кроме того, Рузвельт видел в послевоенном сотрудничестве с СССР основной залог стабильности послевоенного миропорядка.

Однако Вильсон недооценил финансово-экономическую составляющую Версальской системы, что привело к чудовищной инфляции в послевоенной Европе, особенно в Германии. Исправить этот просчет он уже не смог: сенат США поставил ему подножку, не ратифицировав в 1919 г. Версальский мирный договор и устав Лиги Наций. А в 1920 г. его же партнеры по демократической партии поставили Вильсону вторую подножку, не поддержав его кандидатуру на третий президентский срок. Удар был настолько коварным, что Вильсон тяжело заболел и в 1924 г. умер.

Рузвельт, победивший в 1933 г., извлек уроки из просчетов своего патрона. Его «новый курс» 30-х гг. вобрал в себя элементы вильсоновской экономической политики: трудовое законодательство (подтверждение 8-часового дня для рабочих, ограничение детского труда и др.), реализацию федеральных программ в сельском и городском хозяйстве, контроль за банками, антимонопольное законодательство, налоги на сверхприбыль и т. д. Словом, это была политика откровенного «рыночного этатизма», во многом схожая с «этатизмом» Сталина, только без рынка.

Не случайно именно Рузвельт в 1933 г. признал, наконец, СССР дипломатически.

Теперь Рузвельт вознамерился перенести внутриамериканский «новый курс» на весь послевоенный мир и особенно на Европу.

Поскольку в ближайшем окружении Рузвельта в 1942–1943 гг. шла острая борьба – приглашать или нет СССР к участию в этом международном «новом курсе» (госдеп вначале противился даже приглашению сталинской делегации в Бреттон-Вудс в 1944 г.), президент сделал ставку на другую структуру – Казначейство США, которое с довоенных времен возглавлял его друг и соратник еще по «новому курсу» Генри Моргентау. Он не был крупным экономистом-теоретиком, как его заместитель по руководству Казначейством талантливый ученый-экономист Гарри Уайт. Но зато Моргентау полностью разделял идеи патрона по глобальному «новому курсу» в послевоенном мире, был толковым менеджером и, судя по его дневникам за 1941–1945 гг., подобно Иисусу Христу, всерьез собирался «выгнать торговцев частного капитала из Храма» (международной торговли)⁷. Именно Моргентау представил Рузвельту проект уставов МВФ и МБРР, подготовленные Г. Уайтом.

Гарри Декстер Уайт – заместитель главы американского казначейства – фигура в истеблишменте США спорная («парадоксальная»), а в СССР (России) – малознакомая. Известно, что он действительно стремился в 1944–1945 гг. включить СССР в Бреттон-Вудскую систему МВФ и МБРР как равноправного партнера. К тому же, он полагал, что именно партнерство США с СССР, прежде всего в финансово-экономической сфере, должно было обеспечить стабильность в послевоенном мире.

Современники, однако, упрекали Уайта в «сталинизме» за его симпатии к этатистской модели хозяйствования в СССР. К тому же, его биограф Д. Риз упоминает о тайных связях Уайта с компартией США и даже чуть ли не о шпионаже Уайта в пользу СССР. (Перебежчик Олег Гордиевский вообще утверждает, что Уайт еще в 1935–1936 гг. был завербован НКВД

---

⁷ См.: *Blum J. M. From the Morgenthau Diaries. Vol. 3: Years of war 1941–1945. Boston, 1967. P. 228.*

СССР)⁸. Одно несомненно – на Бреттон-Вудской конференции в 1944 г. Уайт активно поддерживал советскую делегацию⁹.

Очевидно, что на явные симпатии Рузвельта и (более циничные) Черчилля к Сталину в годы войны, помимо нужды в нем и в Красной Армии как основных союзниках в борьбе с фашизмом, влияли странные метаморфозы внутренней политики «вождя всех времен и народов», особенно в 1943 году.

Почти четверть века для истеблишмента США и других «западных демократий» (Англии, Франции, Чехословакии и др.) СССР виделся коммунистической «империей зла»: царских долгов не платят, трубят о мировой пролетарской революции, в Лиге Наций (до 1934 г.) и международном Олимпийском движении (до 1952 г.) не участвуют (проводят свои «рабочие олимпиады»), поют «Интернационал» и даже свое московское радио именовали в честь Коминтерна. Словом, основная масса граждан Советского союза выглядела типичными «большевиками с ножом в зубах» (известная французская карикатура 20-х гг.).

Конечно, иностранные союзные дипломаты в Москве обратили внимание на странное изменение риторики Сталина: и в июле 1941 г. в необычном радиообращении к стране: «братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои», и особенно в докладе 6 ноября 1941 г. по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской революции, в котором упоминает «великую русскую нацию», Суворова и Кутузова как «славных ее представителей». Какое отношение эти еще недавно «царские генералы» имели к октябрьскому перевороту? А когда «Правда» и «Известия» 7 ноября 1941 г. опубликовали «октябрьские призывы», в которых наряду с Суворовым и Кутузовым фигурировали «мужественные образы наших великих предков» – Дмитрия Донского, Александра Невского, Кузьмы Минина и других (но не упоминались ни Маркс, ни Энгельс), шифровальщики американского и британского посольств в Москве трудились до седьмого пота, пересылая домыслы своих начальников о странной манере «вождя» по-новому обращаться к пролетариям СССР после начала войны. Начальники же эти никакого реального изменения в политике Сталина еще не видели, что и отразили в своих донесениях в Лондон и Вашингтон¹⁰.

Тем более что имена знаменитых защитников земли русской «осеняли» советский народ уже до войны в заказных сталинских кинофильмах –

---

⁸ См.: Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Л., 1992. С. 246, 348.

⁹ См.: Rees D. Harry Dexter White. A Study in Paradox. N. Y., 1973. P.76–98, 101.

¹⁰ См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны: В 2 т. М., 1983. Т. 1; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: В 2 т. М., 1984. Т. 1.

«Александре Невском» С. Эйзенштейна (1938 г.), «Минине и Пожарском» (1939 г.) и «Суворове» (1941 г.) В. Пудовкина и других.

Однако фамилии «великих предков» и тогда перемежались именами «красных героев» из недалекого прошлого – «Чапаевым» (1934 г., братья Васильевы) и «Щерсом» (1939 г., А. Довженко).

А в день, когда «Правда» и «Известия» публиковали «октябрьские призывы» (ноябрь 1941 г.), вся Москва была оклеена плакатом Кукрыниксов с таким вот компромиссным четверостишием С. Маршака: «Бьемся мы здорово, колом отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева».

Словом, союзники пока воспринимали словесную эквилибристику «дяди Джо» как очередную внутривластную пропагандистскую кампанию большевиков с целью сплотить население перед реальной угрозой поражения.

Именно как пропагандистский блеф и воспринял сталинскую словесную эквилибристику министр иностранных дел Англии Энтони Иден, когда прибыл 15 декабря 1941 г. в Москву с важнейшей миссией: обсудить условия будущих трехсторонних союзных соглашений (США – Англия – СССР) о военной взаимопомощи.

К удивлению Идена (напомним, в декабре 1941 г. немцы еще стояли у ворот Москвы, а военная операция по их разгрому только еще разворачивалась), Сталина интересовала не столько военная помощь союзников, сколько проблемы послевоенного переустройства мира в случае победы над державами «оси» (Германией – Италией – Японией). Уже тогда он выдвинул идею территориальной перекройки границ на Западе (Германия, Польша, Финляндия) и Востоке (о. Сахалин, Курилы). Причем особенно настаивал на признании союзниками уже в декабре 1941 г. «новых границ» СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. (т. е. аннексию Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, новой границы с Финляндией на Карельском перешейке) и на расчленении Польши в 1939 г. между ним и Гитлером (т. е. безусловном вхождении Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР).

Э. Иден, имея строгие инструкции премьера Черчилля и ссылаясь на Атлантическую хартию (которую, как отмечалось выше, подписал и СССР и которая запрещала пока дележ территорий вплоть до окончания войны!) отказался даже обсуждать со Сталиным территориальные вопросы. Переговоры провалились, и Иден ни с чем улетел в Лондон.

Но Сталину рано было праздновать дипломатическую победу. Иден доложил о его наполеоновских планах Черчиллю, тот – Рузвельту¹¹, и через десять дней после провала миссии Идена в Москве, в первый день нового, 1942 г. Рузвельт парировал выпад Сталина на переговорах с Иденом. 1 ян-

---

¹¹ См.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 101.

варя 1942 г. в Вашингтоне собрались представители 26 стран антигитлеровской коалиции (СССР был представлен только что назначенным послом М. М. Литвиновым, а Англия – самим премьером У. Черчиллем) и приняли Вашингтонскую декларацию о создании Объединенных Наций (ОН), или военно-политического союза государств антифашистской коалиции (декларацию подписал и Литвинов).

Эта декларация вновь, как и Атлантическая хартия, запрещала участникам ОН не только заключать сепаратные соглашения с противником, но и требовала «не соглашаться ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» (вряд ли польское эмигрантское правительство в Лондоне согласилось бы с планом Сталина, изложенным Идену в Москве).

Сталину пришлось проглотить эту пилюлю и временно снять все послевоенные территориальные претензии в последующих переговорах с союзниками.

После этого обсуждение договоров о военной взаимопомощи стало более плодотворным. В конце мая 1942 г. в Лондоне Молотовым был подписан англо-советский договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и сотрудничестве и взаимопомощи после войны». Из Лондона Молотов тотчас же перелетел в Вашингтон и там в начале июня 1942 г. подписал американско-советский договор «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Великая антифашистская коалиция трех держав, наконец, юридически была оформлена почти через год после начала войны на советско-германском фронте.

Что касается послевоенного урегулирования, то в ходе переговоров Молотова в Лондоне и Вашингтоне было условлено, что это является компетенцией лидеров трех союзных держав, и проблемы надо решать на их личной встрече «в верхах», предположительно во второй половине 1943 года. Место и точное время встречи будет уточнено по дипломатическим каналам (таким местом станет Тегеран, где и пройдет первая знаменитая одноименная конференция «трех великих» с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.).

Опыт союзных переговоров на дальних подступах к Бреттон-Вудской конференции высветил позиции партнеров по антифашистской коалиции. Технология военной помощи СССР (морские конвои через Атлантику в Мурманск или Архангельск, сухопутный путь через Ирак и далее по Каспию-Волге, перегон самолетов с Аляски через Сибирь и т. д.) не вызывала больших разногласий. Относительно места открытия Второго фронта в Европе шли споры, но в 1941–1942 гг. они носили скорее штабной характер.

А вот проблема послевоенного устройства была временно заморожена, и решающая битва по этому вопросу предстояла в Тегеране на «саммите»

тройки. К ней со второй половины 1942 г. и началась подготовка союзных дипломатов.

Ф.-Д. Рузвельт намеревался начать в Тегеране реализацию своего глобального послевоенного «нового курса» на основе «союза трех» с опорой на новую валютную международную (Бреттон-Вудскую) систему.

У. Черчилль был менее амбициозен и склонен принять территориальный план Сталина о разделе сфер влияния в Европе и мире (колонии) по образцу победителей Наполеона на Венском конгрессе в 1814–1815 годов. У. Черчилль сам рассказал об этом в своих военных мемуарах, когда откровенно поведал, как 9 октября 1944 г. в Москве он делил со Сталиным «сферы влияния» на Балканах: Румыния – 90% СССР, 10% Англии; Греция – 90% Англии, 10% СССР; Югославия – 50:50; Болгария – 75% СССР, Англии – 25%. И Сталин полностью согласился с этим дележом¹².

Сложнее всех оказалась позиция И.В. Сталина. По сути, он столкнулся с той же ситуацией, что и Наполеон Бонапарт в 1799–1807 годов. Тому при урегулировании международных проблем с лидерами антифранцузских коалиций сильно мешала былая слава «сына века Просвещения» и «Робеспьера на коне». Заявив при захвате власти 18 брюмера 1799 г.: «Революция закончилась, забудьте!» – он далеко не сразу убедил в этом феодальную Европу¹³.

Сталин публично никогда таких фраз не произносил, но уже с 1936 г. в беседах с иностранными корреспондентами (с Роем Говардом из США, например) отмежевывался от главного идеологического постулата первых большевиков – об Октябрьской революции как первом этапе Мировой пролетарской революции.

Де-факто уже в 1936–1938 гг. он похоронил не только идеалы этой пролетарской химеры, но и их носителей – старых большевиков – на кровавых московских процессах середины 30-х гг. Но Запад по-прежнему до войны не доверял Сталину. И не столько из-за его внутрипартийных «разборок» (в конце концов, у Зиновьева, Каменева или Бухарина на Западе репутация была не лучше, чем у Троцкого, – все они считались «большевики с ножом в зубах»), сколько из-за пакта Риббентропа-Молотова в 1939 г., по которому СССР пренебрег Коминтерном и интернационализмом и заключил союз с нацистом-головорезом, да еще при этом получил половину Польши! (Хотя о том, что Запад в 1938 г. в Мюнхене сделал то же самое, только за счет Чехословакии, об этом, конечно же, никто не говорил).

Сталин, как и Наполеон Бонапарт, понимал, что закрепление территориальных приобретений 1939–1940 гг. после Второй мировой войны воз-

---

¹² См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 6 т. М., 1991. Т. 3. С. 448–449.

¹³ Подробнее см.: *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I. Дуэль двух императоров. М., 2003.

можно только на основе согласия США и в меньшей степени Англии. Иначе сразу после разгрома Гитлера придется воевать с союзниками, закрепляя за СССР не только аннексированные в 1939–1940 гг. территории, но и буферную «сферу влияния» в Центральной и Балканской Европе.

Решающая роль здесь отводилась Тегеранскому «саммиту», и Сталин начал подготовку к нему уже летом 1942 г., в самый разгар отступления Красной Армии к Волге и Сталинграду.

Что нужно было доказать Сталину союзникам на дальних подступах к Тегерану?

Как Наполеон, старался доказать, что *революция действительно закончилась, так и Сталин стремился внушить, что в СССР появилась новая элита и она готова сотрудничать с антифашистскими элитами Запада, т. е. с «западными демократиями».*

Поскольку Запад словам не верил, Сталин перешел к практическим действиям. В октябре – ноябре 1942 г. военные атташе союзников в Москве сообщили в свои столицы первую, еще неизвестную тыловому населению СССР, сенсацию: Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1942 г. отменило в Красной Армии *институт политкомиссаров*, существовавший в РККА с 1918 года. Вместо них появились бесправные пропагандисты – замполиты, не имевшие права визировать приказы командиров.

Более того, как установил большой знаток партийных архивов московский историк Ю. Н. Жуков, Сталин в январе 1944 г. вообще намеревался ликвидировать партийное руководство в армии и государстве, но по каким-то до конца не выясненным причинам не довел это дело до конца¹⁴.

Зато до конца в 1942–1943 гг. была существенно пополнена «царская линия» в геральдике и символике. 21 июля 1942 г. Политбюро утверждает проект указа об учреждении «царских» орденов – Суворова, Кутузова и Александра Невского (для генералов). А с 10 октября 1943 г. учреждаются еще четыре «нереволюционных» ордена: Богдана Хмельницкого, адмиралов Ушакова и Нахимова, а для солдат и старшин – орден Славы трех степеней на той же черно-желтой ленте, что и дореволюционный солдатский «Егорий» (георгиевский крест четырех степеней для «нижних чинов»).

Характерно, что при этом вводится денежная выплата для всех орденосцев, как «революционных» (орден Ленина, Боевого Красного Знамени и т.д.), так и «контрреволюционных».

В царской армии все было наоборот: за ордена платил сам награжденный, исключая Георгиевских кавалеров, в капитул соответствующего ордена. Из него выплачивали пенсию раненым, детям-сиротам военных, содержали богадельни для воинов-стариков и т.п.

---

¹⁴ См.: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 271–276.

Более того, 21 августа 1943 г. восстанавливаются «царские» кадетские корпуса – суворовские и нахимовские училища для мальчиков, как правило, сыновей военных (живых и погибших на войне). «Царская линия» углубляется: 17 июля 1943 г. Политбюро утверждает указ о раздельном обучении в средней школе, причем для девочек вводится униформа – форменное платье с передником (черным – в будни, белым – в праздники), точная копия платьев дореволюционных женских гимназий.

Попутно одели в униформу не только военизированные наркоматы (НКВД, Гражданской обороны и др.), но и работников гражданской авиации, железнодорожников (включая врачей железнодорожных поликлиник). Одновременно провели «деноминацию» самих железных дорог – в сентябре 1943 г. переименовали эти дороги СССР по географическому, а не по именному признаку. Так, железная дорога им. Кагановича стала Свердловской, им. Ворошилова – Северо-Кавказской, им. Молотова – Забайкальской, им. Берии – Закавказской и т. д. Заодно вернули некоторым городам старые названия: г. Серго вновь стал Кадиевкой, г. Орджоникидзе – Енакиево, г. Каганович – станцией Попасная и т. д.

Вся эта возня с переименованиями и униформами, даже введение в 1943 г. «царских» погон в армии мало волновали союзных дипломатов и военных атташе в СССР.

По-настоящему в 1943 г. их потрясли два события – самороспуск Коминтерна и восстановление Патриаршества Русской православной церкви (РПЦ) в СССР. Ведь на Западе еще помнили, как в мае 1932 г. то же сталинское Политбюро объявило о начале «антирелигиозной пятилетки» и «изгнании самого понятия Бога» к маю 1937 года. Помнили они и об энциклике папы римского 1930 г. в защиту православных священнослужителей, которых с 1928 по 1929 г. массово ссылали в Соловки или в Сибирь. И вдруг Сталин заключает с РПЦ (в сентябре 1943 г. в Кремле) *конкордат*. РПЦ легализуется, ей возвращаются некоторые церкви и монастыри, разрешают издавать свой журнал местоблюстителю, бывшему «обновленцу», митрополиту Сергию, который вскоре будет избран Патриархом Московским и всея Руси, предоставляется в столице официальная резиденция (в ней и сегодня находится Патриарх Алексей II).

Из тюрем и лагерей срочно выпускаются уцелевшие батюшки и владыки, им возвращаются их приходы и кафедры, словом, ренессанс православия!?

Правда, за сталинской РПЦ – прежний царский синодальный присмотр. Но называют сей орган уже не *Синод*, а *Совет по делам РПЦ при Совнаркоме* во главе с генералом НКВД (КГБ) Г. Г. Карповым. Но это – детали, о них иностранцам, и особенно партнерам по Тегерану, знать было необязательно.

Историки (в частности, Ю. Н. Жуков) до сих пор изумляются молниеносности «операции РПЦ». Но Сталину и надо было спешить – Тегеран на носу, а не дать повод западной общественности говорить о правительстве СССР как о «большевиках-безбожниках» как раз было очень кстати. И главное – убедить Рузвельта: мы отныне партнеры, а не идеологические враги. А ведь даже сегодня некоторые американские историки, объясняя провал этого партнерства (и отказ СССР ратифицировать Бреттон-Вудские соглашения), видят главную причину раскола союзников и начала холодной войны в «безбожности коммунизма»: «католические группировки, которые питали очень большую неприязнь к СССР еще со времен советских гонений на религию, были очень тесно связаны с Госдепартаментом. А они, в свою очередь, были также тесно связаны с влиятельными кругами польских эмигрантов, которые хотели, чтобы США сделало все возможное для того, чтобы не пустить СССР в Польшу для создания там прокоммунистического правительства»¹⁵.

Конечно, на открывшейся 28 ноября 1943 г. в Тегеране конференции трех великих держав – первой личной встрече Сталина и Рузвельта – такие популистские меры, как «царские» погоны или «царские» ордена, не могли произвести должного впечатления на прагматичных дипломатов – лидеров Англии и США. В конце концов, даже такой контрреволюционер, как император Наполеон, не ввел в своей армии королевскую униформу, а сохранил символику Французской революции, и даже известный штурм батареи Раевского на Бородинском поле 7 сентября 1812 г. гренадеры Бонапарта совершали под звуки революционной «Марсельезы», которую прямо на поле исполнял полковой оркестр «великой армии».

Гораздо большее впечатление на Рузвельта и Черчилля перед Тегераном произвели военные успехи Красной Армии под Сталинградом и особенно в сражении на Курской дуге, когда Западу впервые стало ясно: вермахт и Советская армия сравнялись в военной технике (танки и самолеты) и во Второй мировой войне на восточном фронте наступил перелом в пользу антигитлеровской коалиции.

Перелом наступил и в отношениях между союзниками, прежде всего между Сталиным и Рузвельтом. При личных встречах в Тегеране они явно друг другу понравились. Для Сталина личный фактор всегда имел огромное значение. Известно, что генералиссимус поселил американскую делегацию на территории посольства СССР в Тегеране. Официально это объяснялось соображениями безопасности. Но Черчилль позднее в своих мемуарах признал: Сталин всячески «обхаживал» Рузвельта, искал его

---

¹⁵ *McCormick T. J. United States Foreign Policy in the Cold War and After. Baltimore, 1995. P. 14.*

расположения и во многом преуспел, что очевидным образом сказалось на результатах Тегеранской конференции.

Благодаря поддержке Рузвельта Сталину в Тегеране удалось сделать то, чего он не сумел добиться в декабре 1941 г. при переговорах с Э. Иденом: послевоенная карта Восточной и Балканской Европы была расчерчена по сталинским лекалам как будущая «буферная зона» СССР.

Это не говоря уже о том, что был, наконец, подписан 1 декабря 1943 г. секретный документ («Военные решения Тегеранской конференции»), где четко обозначалась дата открытия «второго фронта» во Франции – май 1944 года.

Но и Рузвельту в Тегеране удалось добиться немало. Прежде всего, подписания декларации о том, что «три великих» намерены «работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». Главным форумом этой послевоенной «совместной работы», по Рузвельту, должна была стать ООН, в число постоянных членов Совета Безопасности которой с правом вето планировалось включить и СССР.

По-видимому, именно в Тегеране Рузвельту удалось уговорить Сталина принять участие в учредительной конференции по созданию МВФ и МБРР в Бреттон-Вудсе, хотя «вождь всех времен и народов» мало что смыслил в индексах ценных бумаг, дилерах, фондовых биржах и т.п. Но он очень нуждался в твердой валюте для восстановления разрушенного войной хозяйства СССР, и именно на эту своеобразную приманку (помните, 6–10 млрд «золотых» долл.!) его и поймал Рузвельт.

В обстановке явной эйфории «тегеранского сотрудничества» спустя полгода в Бреттон-Вудсе в июле 1944 г. и началась международная финансовая конференция 44 стран будущей ООН. Работа конференции строилась следующим образом. Были созданы три комиссии: одна занималась вопросами МВФ, деятельность второй была сконцентрирована вокруг МБРР, а третья разрабатывала проблемы общих мер послевоенного финансово-экономического сотрудничества. Однако основное внимание было приковано к работе над уставами МВФ и МБРР.

Оба этих учреждения создавались таким образом, чтобы дополнять друг друга. МВФ и МБРР были кредитными учреждениями, направленными на стабилизацию мировой финансовой системы и торговли. Предполагалось, что МВФ будет обеспечивать стабильность валют, способствуя тем самым международной коммерческой активности, а также способствовать поддержанию баланса международных платежей. МБРР, в свою очередь, должен был заниматься долгосрочным кредитованием стран, хозяйство которых было разрушено войной, а также поддерживать индустриальные отрасли стран-участниц. Банк также должен был стать основой для расширения мировой торговли, так как результатом его помощи должно было стать расширение производства и потребления товаров. Функции МБРР были

настолько обширны, что спустя три года в помощь ему было создано и третье учреждение Бреттон-Вудской системы – ГСТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), позднее получившее статус самостоятельного международного органа под названием ВТО – Всемирная торговая организация (именно в нее сегодня активно прорывается Россия).

Вопреки тому, что позднее писали советские публицисты времен холодной войны, первоначально, в 1944–1945 гг. СССР очень активно участвовал в процессе создания и становления МВФ и МБРР.

Каждая страна, желающая вступить в МВФ и МБРР, обязана была внести определенную сумму (квоту), которая рассчитывалась для каждого государства по схеме сложения 2% суммы национального дохода в 1939 г., 5% золотовалютного запаса страны на январь 1944 г., 10% среднего ежегодного объема импорта за период 1934–1938 гг. и 10% от максимального показателя экспорта за те же годы. Сумма, полученная в результате, могла быть увеличена на процентное соотношение среднего показателя ежегодного экспорта за 1934–1938 гг. и суммы национального дохода государства. Таким образом, для МВФ общая сумма квот составила 8,8 млрд долл., а самые крупные квоты распределились в рамках «Большой пятерки»: США – 2,75 млрд, Англия – 1,3 млрд, СССР – 1,2 млрд, Китай – 550 млн и Франция – 450 млн. Поскольку все решения в МВФ, как и в МБРР, принимались путем голосования, весьма интересно рассмотреть каким образом распределялись голоса. Каждое государство – член фонда – автоматически получало 250 голосов, плюс дополнительный голос за каждые 100 тыс. долл. собственной квоты. В результате общее количество голосов равнялось 99 тыс., где США получили 28, Британия – 13,4, СССР – 12, Китай – 5,8, Франция – 4,8%.

Что касается Банка, то здесь квота государства вычислялась суммированием 4% от количества ожидаемого национального дохода на 1940 г., 6% от среднего показателя суммы, составляющей ежегодный доход от внешней торговли за период 1934–1939 гг. с возможностью увеличения или уменьшения итоговой суммы на 20% в зависимости от особых обстоятельств. В МБРР картина была приблизительно та же, что и в МВФ. Из 10 млрд общей суммы, располагаемой Банком, 3,175 млрд внесли США, а остальные члены «Большой пятерки» внесли те же суммы, что и в МВФ. Распределение голосов соответственно: США – 34,8, Великобритания – 13, СССР – 12, Китай – 6,1, Франция – 4,6%¹⁶.

Конечно, Сталин был прагматиком, и его меньше интересовала отдаленная перспектива финансовой конвергенции Запада и Востока на основе решений, принятых в Бреттон-Вудсе в 1944 году. Зато конкретный заем в 6 млрд долл. – весьма и весьма. Эти мысли «вождя» довольно откровенно «озвучил» на конференции заместитель наркома по внешней торговле

---

¹⁶ См.: US Treasury. Bretton Woods' Proposals. Washington, 1945. P. 11–20.

Степанов: «Всех проблем, которые встанут перед Советским Союзом после окончания войны, МВФ не решит, и СССР видит для себя два полезных итога конференции: финансовая помощь и формальное признание СССР великой державой»¹⁷.

Но именно по вопросу об этом гигантском займе послевоенному СССР в американском истеблишменте той поры развернулась бурная дискуссия. Госдепартамент США с конца 1944 г. инспирировал в американской печати серию «экспертных статей»¹⁸, в которых авторы в условиях еще не закончившейся войны доказывали: Сталину верить нельзя – нет сомнений, что СССР сможет отдать полученные займы, но не будут ли эти деньги направлены на создание военной машины, которая рано или поздно бросит вызов Западу? Кроме того, уже тогда, осенью 1944 г., т. е. вскоре после завершения Бреттон-Вудской конференции, в американской прессе начали появляться странные статьи о том, что, незачем иметь дело со Сталиным, он ведь на ладан дышит, вот-вот умрет!

Поэтому поводу появилась статья американского военного корреспондента в Москве Генри Кессиди в популярном тогда журнале «Саттердей ивнинг пост». Из неизвестно каких медицинских источников бойкий репортер узнал, что «вождь» якобы неизлечимо болен, а посему «Иосиф Сталин знает теперь, что не проживет достаточно долго, чтобы завершить свою работу». Доказательство? Извольте, пишет репортер, Сталин последнее время все свои проекты завершает мистической фразой – «если доживу...». Но произносит он эту присказку, по Г. Кессиди, «скорее в утвердительном, чем в условном тоне», стало быть, безапелляционно завершает репортер, «вождь» собрался умирать¹⁹.

Конечно, не на простаков в Америке были рассчитаны эти «медицинские» домыслы. Главное было в другом: Рузвельт ведет дело с потенциальным покойником, делает «уступки Сталину», а он вот-вот уйдет с политической арены. (После этих домыслов Сталин проживет еще почти десять лет, а Рузвельта переживет на восемь). Но в Вашингтоне ни для кого не было секретом, что за кулисами этой газетно-журнальной антирузвельтовской кампании стоит... вице-президент США и формальный член команды президента Гарри Трумэн²⁰.

Однако пока у руля государственного корабля Америки находился великий ФДР (Франклин-Делано Рузвельт), все эти выпады успеха не имели: Рузвельт ревниво оберегал свой тегеранский компромисс со Сталиным, ко-

---

¹⁷ Цит. по: *Eckes A. A. A Search for Solvency. L., 1977. P. 141.*

¹⁸ См., например: *Feis G. Political Aspects of Foreign Loans // Foreign Affairs. 1945. № 4.*

¹⁹ См.: *Кессиди Г. Время Сталина истекает... // Саттердей ивнинг пост. 1944. 18 нояб. (№ 33).*

²⁰ См.: *La Feber W. America, Russia and Cold War. N. Y., 1997. P. 6–7.*

торый он подтвердил во время Ялтинской (Крымской) конференции «трех великих» 4–11 февраля 1945 года. Тем более что в Тегеране Рузвельт предложил Сталину хорошую цену (6 млрд долл.) за вступление в войну с Японией сразу после разгрома гитлеровской Германии и подтвердил эту «спонсорскую» помощь в Ялте.

Сталин также соблюдал тегеранские договоренности. Он, скажем, не вмешивался в «сферу влияния» союзников в Европе и, например, не настаивал на участии советских представителей в Союзной контрольной комиссии в Италии в 1943–1945 годах.

Но всему этому «сердечному согласию» наступил конец весной 1945 г., за месяц до окончания войны в Европе, когда 12 апреля неожиданно умер Рузвельт и президентом США стал тот самый Гарри Трумэн, а в разгар Берлинской (Потсдамской) конференции 17 июля – 2 августа 1945 г. привычного Сталину Черчилля вдруг сменил 28 июля лейборист Клемент Эттли, партия которого победила консерваторов Черчилля на парламентских выборах в Англии.

В итоге в Потсдаме вместо привычных с 1943 г. и достойных партнеров Сталин как бы очутился в своем обычном «политбюро» в окружении политических фигур более легкой «весовой категории».

Но он еще верил в «тегеранский компромисс» и 6 млрд долл. и поэтому сдержал слово, данное в 1943 г. Рузвельту: СССР объявил 9 августа 1945 г. войну Японии и начал военные операции в Северном Китае и на о. Сахалин.

Но команда Трумэна отнюдь не собиралась следовать обещаниям покойного Рузвельта. Еще в Потсдаме новый американский президент перешел к тактике «атомного шантажа» – сообщил генералиссимусу об успешном испытании американской атомной бомбы, а в августе 1945 г. США сбросили две такие бомбы на мирные города Хиросиму и Нагасаки.

Дальше – больше: команда Трумэна с осени 1945 г. стала откровенно превращать Бреттон-Вудскую финансовую систему в инструмент экономического давления США на разоренную послевоенную Европу («план Маршалла»). А в этом «плане» СССР уже отводилась не приоритетная роль великой державы, а всего лишь место одной из региональных держав, пострадавшей от гитлеровской агрессии наряду с Великобританией и Францией.

Конечно, главное было не только в личностях – послевоенные военно-геополитические интересы союзников явно расходились в разные стороны, хотя база этого расхождения была, как это не покажется странным, одна: *накопленный в годы войны военно-технический потенциал*. Ни с той, ни с другой стороны реального разоружения не произошло. Более того, вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции вскоре начали оформ-

лять свои военные блоки: Запад – НАТО, Восток (но уже без Сталина) – Варшавский договор (ОВД).

Еще раньше Трумэн, следуя геоэкономическим схемам госдепартамента, принял решение передать «сталинский займ» не Москве, а Лондону (правда не 6, а 3 млрд). На этот «королевский жест» экс-премьер Британии сэр Уинстон Черчилль в присутствии Трумэна откликнулся 5 марта 1946 г. знаменитой воинственной антисоветской речью перед учащимися Вестминстерского колледжа небольшого городка Фултон на берегах р. Миссури. «Фултоновскую речь» британского «бульдога», а также ответ Сталина (в виде интервью «Правде» 14 марта 1946 г. – «установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР») многие историки по обе стороны Атлантики не без основания считают первым публичным объявлением холодной войны между вчерашними союзниками.

Без Рузвельта была изменена и сама технологическая схема помощи Европе: международная Бреттон-Вудская система с ее МВФ и МБРР была Трумэном отвергнута (и именно это побудило Сталина в декабре 1945 г. отказаться от ратификации ранее подписанных финансовых соглашений июля 1944 г.) и заменена на чисто американскую схему «плана Маршалла».

Принципиальным отличием этой схемы от Бреттон-Вудской было то, что МВФ и МБРР устранились от оказания финансовой помощи («Закон о помощи иностранным государствам», принятый конгрессом США 3 апреля 1948 г.), а ее осуществление возлагалось на Администрацию экономического сотрудничества США.

Несмотря на отказ ратифицировать Бреттон-Вудские соглашения (декабрь 1945 г.), Сталин все же попытался вернуть себе «дар Рузвельта» (Парижское совещание союзных министров иностранных дел, 27 июня – 2 июля 1947 г., через двадцать дней после официального выдвижения своего плана госсекретарем США Дж. Маршаллом в Вашингтоне), но безрезультатно. В итоге на этом совещании СССР официально отказался от участия в «плане Маршалла» и заставил сделать то же самое своих сателлитов (даже Финляндию; Югославия приняла участие в «плане», получив мизерную сумму в 100 тыс. долл.).

Согласились на американскую помощь 16 европейских государств (включая нейтральную Швейцарию и фактически азиатскую Турцию), но им, как и Югославии, досталась лишь малая часть: из 17 млрд долл. за четыре года действия «плана Маршалла» (1952 г.) львиная доля (60%) досталась четырем странам – Англии, Франции, Италии и ФРГ (с 1949 г.)²¹.

---

²¹ См.: *Шапиро А. И.* Экономическая экспансия монополистического капитала США в Западной Европе после Второй мировой войны. М., 1956.

В итоге заманчивое стратегическое партнерство США и СССР в послевоенном мире на финансовой основе Бреттон-Вудской системы 1944 г. так и не состоялось. Оказалось, что мало сменить идеологические символы – ввести «царские» погоны (Сталин) или «царского» двуглавого орла (Ельцин). Менять надо было сами основы экономики либо на Западе, либо на Востоке, и не только под идеологическим углом – капитализм или социализм.

М.В. Лапенко

РОЛЬ ДЖЕЙМСА ФОРРЕСТОЛА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИКОММУНИЗМА В США

На момент окончания Второй мировой войны никто в правительстве США не относился так серьезно к факту распространения коммунистических идей, как Джеймс Форрестол, занимавший в то время пост министра ВМФ¹. В апреле 1945 г. госсекретарь США Э. Стеттиниус сообщил о серьезном ухудшении отношений между США и СССР. В это время Дж. Форрестол был крайне озабочен этим обстоятельством. Около 30 страниц его дневника начиная со 2 апреля содержат копии телеграмм из американского посольства в Москве от посла А. Гарримана².

Их основное содержание сводилось к тому, что «советское руководство рассматривало все вопросы исходя из своих эгоистических целей», что «коммунистическая партия использовала экономические трудности в освобожденных областях для того, чтобы распространить свое влияние»³ и единственным способом прекращения советского проникновения являлось «развитие здоровых экономических отношений в странах, находящихся под угрозой коммунизма»⁴.

Форрестолу были близки и понятны подобные суждения. 23 апреля в разговоре с президентом он высказал предположение о том, что «возможно, у русских сложилось впечатление, что мы (американцы) не против того, чтобы они установили свое влияние во всей Восточной Европе», и до-

---

¹ В 1940 г. президент Франклин Рузвельт назначил Дж. Форрестола заместителем министра ВМФ, а в мае 1944 г. министром ВМФ.

² См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries* / Ed. by Millisw. N. Y., 1951. P. 39–68.

³ Ibid. P. 39.

⁴ Ibid. P. 47.

бавил, «что если русские планировали идти на конфронтацию, то для США лучше иметь решительное столкновение теперь, чем позже»⁵. В мае 1945 г. он разделял мнение о необходимости принятия политических решений, в правительстве США, исходя из предпосылки, что «половина, а может быть, вся Европа может стать коммунистической уже к концу следующей зимы»⁶. Поэтому Форрестел доказывал, что необходимо подготовить план действий на случай демарша России в Европу.

Форрестел считал, что марксистская идеология в СССР воспринимается почти как религия и служит единственным руководством в процессе принятия политических программ, а также решений в экономической сфере⁷. Он разделял мнение А. Гарримана, что «марксистская идеология так же несовместима с демократией, как нацизм или фашизм, так как она опирается на использование силы во внешней и внутренней политике»⁸. Через месяц в разговоре с Гарри Гопкинсом и лордом Х. Галифаксом, английским послом, он высказал мысль, что Соединенные Штаты могли бы сотрудничать с русскими, только если те откажутся от идеи мировой революции и распространения принципов диалектического материализма на весь мир⁹.

Осенью 1945 г., когда на повестке дня встал вопрос о демобилизации вооруженных сил США, Дж. Форрестел был категорически против этого мероприятия. Еще в сентябре 1942 г., выступая в Принстонском университете, Форрестел призывал молодежь никогда не складывать оружие¹⁰. А в 1943 г. он отдал приказ установить слежку за отдельными американцами и начать сбор соответствующей информации о деятельности организаций, газет, журналов, которые могут выступить за демобилизацию американской армии после окончания войны.

Теперь, осенью 1945 г., Форрестел считал, что страна находится в неподготовленном состоянии, которое может привести к началу Третьей мировой войны. Он бил тревогу из-за того, что с военной службы уходили бизнесмены, юристы, бухгалтера, которые, по его мнению, являлись составной частью военной мощи страны. Форрестел говорил о том, что страна из-за неподготовленности вынуждена будет от внутренней политики

---

⁵ *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 50.

⁶ Цит. по: *Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War. 1941–1945*. N. Y., 1972. P. 297.

⁷ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 57.

⁸ *Gaddis J. Op. cit.* P. 297.

⁹ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 72.

¹⁰ См.: *Курагин В. М. Взлет и падение Форрестела // Вопр. истории. 1971. № 12. С. 106.*

сразу переходить к отражению советской агрессии, от демобилизации к использованию атомной бомбы¹¹.

Идея сохранения мощных вооруженных сил становится лейтмотивом всех его выступлений. Форрестол пугал американцев «новыми испытаниями», он настаивал на твердой политике по отношению к Советскому Союзу. Установление мира, по его мнению, было невозможно до тех пор, пока Соединенные Штаты не продемонстрируют русским, что «если где бы то ни было и когда бы то ни было мы скажем «нет», значит, так оно и будет»¹².

Форрестол считал, что США могут противопоставить «крестовому походу» коммунизма только две идеи: идею свободы и идею христианства¹³. А если это не поможет, то необходимо применять мощные вооруженные силы США. Он настаивал на том, чтобы президент сначала ознакомил американское общество с подробностями взаимоотношений между США и СССР и тем влиянием, которое оказывают русские на другие народы. И только потом уже обсуждал вопрос о демобилизации вооруженных сил¹⁴.

В январе 1946 г. Форрестол заполнил свой дневник известными примерами советской агрессии и властвования¹⁵. Речь Сталина от 9 февраля он расценил как провозглашение Третьей мировой войны и окончательно убедился в невозможности сосуществования демократической и коммунистической модели развития¹⁶. При этом министр ВМФ продолжал исследовать характер советской философии и политики, так как он еще не был уверен в своем собственном мнении о том, что скрывалось за ними¹⁷.

Наверное, именно поэтому пришедшая 22 февраля 1946 г. так называемая «длинная телеграмма» Дж. Кеннана стала для него долгожданным философско-политическим толкованием «советского поведения». Это был именно такой анализ советской политики, который ясно и четко выражал те идеи, которые он сам разделял¹⁸. В ней Кеннан доказывал, что «историческая небезопасность» России соединилась с марксистской идеологией в СССР, и таким образом страна была обречена на конфликт с Америкой и западным образом жизни¹⁹.

---

¹¹ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 100.

¹² *Rogov A. Victim of Duty*. L., 1966. P. 110.

¹³ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 177.

¹⁴ *Ibid.* P. 101.

¹⁵ *Ibid.* P. 127.

¹⁶ *Ibid.* P. 155.

¹⁷ *Ibid.* P. 127.

¹⁸ *Ibid.* P. 136–139.

¹⁹ См.: *Мальков В. Л.* Первые письма с «холодной войны» // *Междунар. жизнь*. 1990. № 11. С. 140–148.

По его мнению, «правительству США надлежало жестко и последовательно реагировать на каждую попытку СССР расширить сферу своего влияния, избегая при этом соблазна вмешиваться в его внутренние дела». Далее, «...для того чтобы успешно противостоять проникновению коммунизма, странам Запада следует стремиться к созданию здорового, благополучного, уверенного в себе общества, только в таком качестве они приобретут иммунитет к коммунистическим идеям»²⁰.

Эти взгляды получили широкое распространение благодаря поддержке Джеймса Форрестала²¹. Кеннан и раньше направлял в госдепартамент меморандумы, справки и рекомендации относительно того, как следует себя вести с СССР. Но, судя по тому, что в ответ не поступало ни одобрений, ни порицаний, сотрудники госдепартамента направляли «эссе» советника в корзину для мусора. Позже Кеннан выяснил, что так оно и было.

Телеграмма от 22 февраля каким-то образом попала не в корзину для мусора, а на стол к министру ВМФ. Форрестал был в восторге, перед ним лежала готовая антикоммунистическая доктрина, впоследствии названная «доктриной сдерживания». Министр ВМФ, фактически, воспринял анализ Кеннана как свой собственный. Он сделал сотни копий телеграммы и раздавал их в своем министерстве. Более того, по воспоминаниям помощника президента Дж. Элси, «разослал их по всему городу»²². Исследователи внешней политики и дипломатии США единодушны во мнении, что ни один другой документ не оказал такого сильного влияния на официальные круги и американское общественное мнение, как «длинная телеграмма» Кеннана²³.

Форрестал настоял на возвращении Кеннана в Вашингтон и устроил его в качестве лектора в Национальный военный колледж, так как министр ВМФ проявлял большой интерес к дальнейшему изучению геополитики и стратегии. Кеннан читал лекции с сентября 1946 г. по май 1947 г. На них присутствовали офицеры высокого ранга, причастные к внешней политике, и некоторые члены кабинета министров, включая Форрестала²⁴. «Это создало мне репутацию, – вспоминал Кеннан, – мое мнение стало что-то значить»²⁵. В официальных кругах Вашингтона Кеннан стал признанным фи-

---

²⁰ Мальков В. Л. Указ. соч. С. 147.

²¹ См.: *Young J.* Cold War and Détente. 1941–1991. N. Y., 1993. P. 280.

²² Цит. по: *Yergin D.* Strattered peace. The origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1971. P. 171.

²³ См.: Мальков В. Л. Указ. соч. С. 139.

²⁴ См.: *Paterson T.* Meeting the communist Threat. Truman to Reagan. N. Y., 1988. P. 129.

²⁵ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М., 2002. С. 250.

лософом американской дипломатии, но подобно большинству философов он позволял другим интерпретировать свои идеи.

В апреле 1946 г. Форрестол в письме своему другу по бизнесу К. Диллону писал, что коммунисты работали в правительстве Франции, Бельгии, Японии и везде, где имели доступ. Он считал, что ситуация в мире такая же серьезная, как в 30-е годы. Однако Форрестол надеялся на то, что еще не слишком поздно изменить ситуацию в мире²⁶. Выступая в Питсбурге перед Ассоциацией внешней политики, Форрестол сравнил СССР с большим потоком воды, который просачивался везде, где образовывался вакуум или слабое место²⁷. Весной 1946 г. министр ВМФ выделял четыре таких слабых места – это Центральная Европа, Ближний Восток, Китай и Япония, Индия и Индонезия. Он считал, что пока в мире отсутствует баланс политических и экономических сил и правовое регулирование международных отношений, необходимо использовать силу. Поэтому он настаивал на увеличении численности американского 7-го флота на Дальнем Востоке, морской пехоты в Китае и численности военно-морских сил в Средиземноморье²⁸.

12 марта 1947 г. президент Трумэн заявил о намерении предоставить Греции и Турции военную и экономическую помощь в размере 400 млн долларов. Одновременно он сформулировал политику США как нацеленную на помощь «свободным народам, сопротивляющимся попыткам закабаления со стороны вооруженного меньшинства и внешнему давлению»²⁹. Трумэн в этом заявлении, кроме того, определил начинающееся соперничество США и СССР как конфликт демократии и тоталитаризма. Так появилась на свет доктрина Трумэна.

Можно предположить, что взгляды Форрестола оказали огромное влияние на формирование нового внешнеполитического курса. Новый курс во многом базировался на идеях, которые он долгое время развивал³⁰. Министр ВМФ страстно поддерживал идею отправки американских войск в Грецию и Турцию, которые, по его мнению, находились под угрозой коммунизма³¹.

Форрестол был готов отстаивать американские интересы в обоих полушариях, везде, где это было возможно. Так, например, он был первым, кто выступил за превращение Средиземного моря в «американское озеро». К тому же он выступал против попыток генерала Дж. Маршалла добиться согласия между китайскими коммунистами и правительством национали-

---

²⁶ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 154.

²⁷ Ibid. P. 155.

²⁸ Ibid. P. 187.

²⁹ Special message to the congress on Greece and Turkey: The Truman Doctrine. March 12, 1947 // *Truman H. S. Public papers of the united States*. 1947. Washington, 1963. P. 176–177.

³⁰ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 254.

³¹ См.: *Arms T. Encyclopedia of the Cold War*. Facts of File. N. Y., 1994. P. 212.

стов в Китае³². Форрестол поддерживал идею экономической помощи Германии и Японии с целью создания в этих странах надежного оплота против коммунизма, а также выступал против создания государства Израиль на том основании, что это государство станет точкой опоры Советского Союза на Ближнем Востоке. Очень большое внимание уделялось им палестинскому вопросу, и особенно вопросу о нефтяных месторождениях данного региона³³.

Форрестол считал, что США имели уникальную возможность стать катализатором мировой экономики, но для этого необходимо было, чтобы бизнесмены США определяли правительственную политику³⁴. Новый мировой порядок, по его мнению, мог быть основан только на восстановлении конкуренции, торговли и бизнеса, а это восстановление могли совершить только бизнесмены, банкиры, брокеры³⁵. Для того чтобы оправдать применение военной мощи в решении вопросов международных отношений, мобилизацию внутренних ресурсов и вмешательство деловых людей в принятие политических решений и повлиять на общественное мнение, Форрестол вновь и вновь использует антикоммунизм.

Министр ВМФ способствовал возникновению в обществе дискуссии по поводу того, что представлял собой Советский Союз – традиционное государство или воинствующую религию³⁶. Э. Виллетт из колледжа Смита написал по просьбе Форрестола доклад под названием «Диалектический материализм и цели русских», объясняя советскую внешнюю политику, исходя из терминов идеологии³⁷. Р. Страуз-Хьюп из Пенсильванского университета позволил себе не согласиться с идеями Виллета: «Я подверг сомнению адекватность анализа российской внешней политики, основанной, по мнению автора, только на догме»³⁸. Ф. Мозели из Колумбийского университета сделал замечание, что не согласен с выводом Виллета о том, что советское правительство действовало слепо на основании философских предложений.

Государственные деятели США, и Форрестол в частности, ознакомились с докладом Э. Виллета и признали его откровенно слабым. По их мнению, не хватало изощренности, сочности и красок в изображении «зловредности» коммунизма. Форрестол возобновил поиски подходящего «живописца». И нашел его в лице Дж. Кеннана. Кеннан вместо замечаний на доклад Виллета в конце декабря 1946 г. представил свою собственную ста-

---

³² См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 177.

³³ *Ibid.* P. 323.

³⁴ *Ibid.* P. 268.

³⁵ *Ibid.* P. 248.

³⁶ Цит. по: *Yergin D. Op. cit.* P. 322.

³⁷ См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 128.

³⁸ *Yergin D. Op. cit.* P. 322.

тью под названием «Психологическая основа советской внешней политики». Министр ВМФ отверг первый вариант статьи и потребовал написать ее в более жестком тоне³⁹.

Кеннан закончил работу 31 января 1947 г. и отправил ее военноморскому министру для личного пользования. Речь в ней шла о сути и истоках советской мощи и проблемах, вытекавших из этого для политики Соединенных Штатов. Форрестол прочитал статью и высоко оценил ее, сказав: «Работа сделана просто великолепно. Буду рекомендовать госсекретарю, чтобы он ее тоже прочитал»⁴⁰.

Окончательный вариант доклада почти в неизменном виде лег в основу знаменитой статьи «Источники советского поведения», появившейся в июльском номере журнала «Международные проблемы». Ее автором был мистер «Икс». Под псевдонимом скрывался Дж. Кеннан⁴¹. Форрестол сделал много для того, чтобы в статье содержались те мысли, которые он хотел в ней найти, и чтобы содержащиеся в ней идеи интерпретировались так, как он их интерпретировал⁴². Для этого он разослал статью во многие ведомства в Вашингтоне вместе со своими сопроводительными письмами, которые заранее подготавливали читателя к тому, что следовало ожидать от нее.

В центре внимания автора оказалась необходимость сдерживания Соединенными Штатами экспансионизма Советского Союза. «США следует проводить политику решительного сдерживания, чтобы противопоставить русским несгибаемую силу в любой точке земного шара, где они попытаются посягнуть на интересы мира и стабильности»⁴³. «Политика Кремля – плавный поток, который, если ему ничто не мешает, непрестанно движется к намеченной цели. Его главная забота – во что бы то ни стало заполнить все уголки и впадины в бассейне мировой власти»⁴⁴ (очень созвучно с тем, что говорил Форрестол).

«Глубокое воздействие на поведение России как члена международного сообщества оказывает, во-первых, концепция, касающаяся имманентного антагонизма между капитализмом и социализмом. Этот антагонизм становится источником многих проявлений внешней политики Кремля, которые

---

³⁹ См.: The Cold War. 1945–1991 / By B. Frankley. Vol. 3: Resources: Chronology, History, Concepts, Events, Organizations, Bibliography, and Archives. Detroit; Washington; L., 1992. P. 287.

⁴⁰ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны... С. 250.

⁴¹ См.: Его же. Истоки советского поведения // США: ЭПИ. 1989. № 12. С. 42–52.

⁴² См.: Gardner L. Architects of Illusion. Men and ideas in American foreign policy. Chicago, 1970. P. 282.

⁴³ Кеннан Дж. Истоки советского поведения. С. 51.

⁴⁴ Там же. С. 47.

вызывают у нас беспокойство: скрытности, неискренности, двуличия, настороженной подозрительности и общего недружелюбия»⁴⁵. Вторая концепция, определяющая советское поведение, – это тезис о непогрешимости Кремля. Советская концепция власти, не допускающая каких-либо организационных очагов вне самой партии, требует, чтобы в теории партийное руководство оставалось единственным источником истины»⁴⁶.

Позже Кеннан сожалел о том, что он не указал в статье точно, какое «сдерживание» он имел в виду: военное или политическое⁴⁷. Форрестол, являясь «крестным отцом» статьи, сделал все для того, чтобы предложенное сдерживание рассматривалось как военное сдерживание. На самом деле, Кеннан рассматривал политику «сдерживания» как способ предотвращения войны, и она не была нацелена на нанесение СССР военного поражения. Статья Кеннана, появившаяся в 1947 г., оказала большое, если не определяющее влияние на формирование американского общественного мнения и отношения политических кругов к Советскому союзу в послевоенный период.

Впоследствии Кеннан вспоминал, что «поднялся самый настоящий газетный водоворот. «Лайф» и «Ридер дайджест» перепечатывали отдельные выдержки. Термин «сдерживание» подхватили и даже возвели в статус «доктрины внешней политики»⁴⁸. Кеннан не предвидел такого диссонанса. Он не собирался рассматривать в качестве доктрины то, о чем говорил в своей статье, и писал о том, что «чувствовал себя в положении человека, неумышленно столкнувшего с вершины горы большой валун и беспомощно наблюдавшего с ужасом, как он стремительно падал в долину, круша все на своем пути... Ни о чем подобном я не думал»⁴⁹.

Об этом думал Дж. Форрестол, который долгое время искал теоретическое оформление своих представлений о новом направлении в области внешней политики и использовал литературные дарования Дж. Кеннана для обоснования новой внешнеполитической доктрины.

Форрестол занимался не только пропагандой антикоммунизма во внешней политике. В течение войны военно-морское министерство превратилось в самозванное сыскное агентство. Прежде всего, внимания удостоились американские коммунисты. Слежка была также установлена за организациями и журналами либерального толка. На военно-морскую разведку Форрестол возложил задачу по организации расследования о «про-

---

⁴⁵ Кеннан Дж. Истоки советского поведения. С. 46.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Gardner L. Op. cit. P. 281.

⁴⁸ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны... С. 251.

⁴⁹ Там же. С. 253.

никновении коммунистов» в профсоюзы и общественные организации. Он собрал огромнейшую библиотеку, состоящую из книг по антикоммунистической пропаганде, «разоблачению» коммунистов и т. п., и подал идею ввести преподавание антикоммунизма в американских школах, колледжах и университетах⁵⁰.

Военно-морской министр не гнушался анонимками и доносами на киноактрис, ученых, но особенно интересовался «коммунистическим проникновением» в правительство. Он пришел к убеждению, что многие государственные деятели США симпатизируют коммунизму и помогают ему намеренно или нет. Именно Форрестол пустил слух, что министр торговли Г. Уоллес якобы убеждал правительство США в необходимости передать секрет атомной бомбы Советскому Союзу. Г. Уоллеса вызвали в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Однако комиссия была вынуждена признать, что слухи не соответствовали действительности. Вообще надо сказать, что Форрестол выступал категорически против сотрудничества с СССР в области контроля над атомной энергией. Он говорил, что это делать опасно, потому что русские подобно японцам «азиаты по образу мышления»⁵¹.

Форрестол очень беспокоил рост демократического движения в Старом Свете. Он принял самое непосредственное участие в кампании травли демократических деятелей и консолидации самых реакционных группировок в странах Западной Европы. Форрестол организовал, например, сбор десятков тысяч долларов для финансирования антикоммунистической пропаганды и предвыборной программы кампании профашистских сил в Италии в 1947 году.

17 сентября 1947 г. он принял присягу как первый министр обороны США и занимал этот пост до марта 1949 года. Международная обстановка в этот период времени была крайне напряженной. Первый министр обороны продолжал распространять антикоммунистические идеи в правительстве США, которые оказали огромное влияние на определение целей и задач внешней политики, а также на деятельность Совета национальной безопасности и Национального военного управления.

При этом антикоммунизм Дж. Форрестол служил реализации определенных целей: во-первых, как успешный бизнесмен и человек, воспитанный на идеалах частной собственности, свободного предпринимательства и конкуренции, он не мог принять идеологию коммунизма; во-вторых, Форрестол использовал антикоммунизм для создания кризисной ситуации

---

⁵⁰ См.: *Gardner L. Op. cit. P. 271.*

⁵¹ *Ibid. P. 273.*

и сплочения американской нации; в-третьих, как мощный импульс для развития бизнеса и увеличения капиталовложений в промышленность; и, наконец, в-четвертых, для создания американских сфер влияния в Европе, Средиземноморье и на Дальнем Востоке. Все это должно было служить главной цели – созданию нового мирового порядка, при котором определяющую роль будут играть американский бизнес и международная торговля⁵².

Именно на посту министра обороны Форрестол оказался в центре пересечения вопросов национальной безопасности, военной организации, дипломатии, политических и экономических интересов. Его попытки интегрировать и совместить все представленные интересы, сделали его одной из главных фигур в правительстве США в послевоенный период.

В СССР пристально следили за деятельностью Дж. Форрестола. В 1949 г. С. Маршак написал язвительное стихотворение о первом министре обороны США под названием «Опасное безумие»⁵³.

Обозреватель Пирсон Дрю
Сказал: – Алло! Я говорю
Из Северной Америки.
Наш Форрестол
С ума сошел
И мечется в истерике!

Правдивый слух проник в эфир,
Иль это злая шутка?
Но кто поджечь стремится мир,
И впрямь лишен рассудка.

Кто вновь мечтает о войне,
Забыв урок прошедшей,
Тот безусловно и вполне
Опасный сумасшедший!

С ума нечаянно сойти
Любой имеет право
Но чтоб политику вести,
Полезно мыслить здраво.

Нельзя сказать, что Форрестол
Глубокий ум утратил,
Он с мелкого ума сошел,
Как говорится, спятил.

Свихнулся он, теряя счет
Своим военным базам,

И ум его от всех забот
Давно зашел за разум.

Был этот мистер Форрестол
Министром обороны,
Но вдруг под старость произвел
Себя в Наполеоны.

Сошел с ума он заодно
Со всей своей компанией,
Обуреваемой давно
Воинственной манией.

Но пусть безумный Уолл-стрит
Готовит пир кровавый –
На свете все же победит
Народный разум здравый!

---

⁵² См.: *Forrestal J. Forrestal Diaries*. P. 180.

⁵³ *Маршак С. Опасное безумие // Крокодил. 1949. № 12. (30 апр.). С. 10.*

Стихотворение было опубликовано в журнале «Крокодил». Там же на Форрестол появлялись карикатуры до и после его смерти.

Атомные травмы

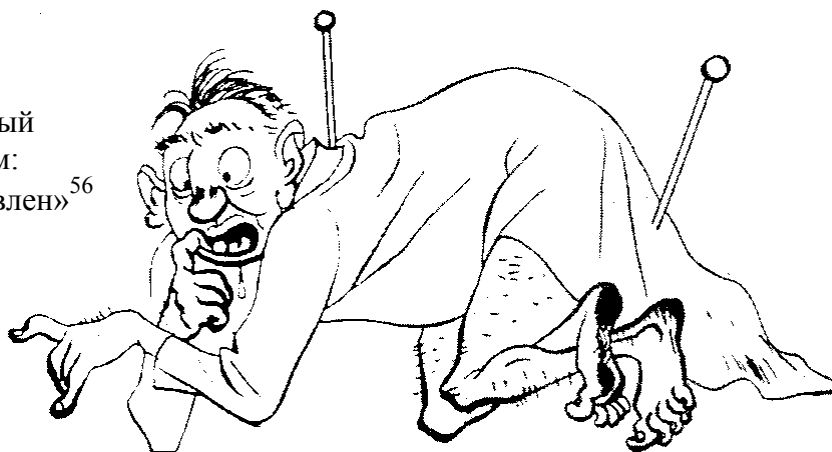

Форрестол (мания преследования)⁵⁴

Форрестол в аду.
Черти: – Держи его крепче!
Не то он второй раз в окно выбросится⁵⁵

Министр, одержимый
атомным психозом:
«Он чином от ума избавлен»⁵⁶

Дж. Форрестол был самым яростным антикоммунистом в администрации Трумэна. Один из его биографов пишет, о том, что не будет преувеличением сказать, что лично Форрестол находился в состоянии войны с коммунизмом задолго до того, как началась холодная война⁵⁷. Его ультраправые взгляды привели к его отставке и трагичному окончанию

⁵⁴ Крокодил. 1949. № 13 (10 мая). С. 12.

⁵⁵ Там же. № 29 (30 мая). С. 9.

⁵⁶ Там же. № 15 (30 мая). С. 6.

⁵⁷ См.: Rogov A. Op. cit. P. 111.

жизни. Именно поэтому Форрестола считают «первой жертвой холодной войны». При этом его «антикоммунистические» идеи оказали огромное влияние на дальнейшее распространение «антикоммунизма» в США, на изменение внешней и внутренней политики, на цели и задачи политики «национальной безопасности» и на взаимоотношения США и СССР.

Н. И. Николаева

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНТИАМЕРИКАНСКОЙ КАМПАНИИ В СССР В КОНЦЕ 40 – НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ

История холодной войны в последнее время привлекает к себе пристальное внимание исследователей, что в значительной степени объясняется масштабностью феномена и его последствий. Этот исторический период породил множество проблем, до сих пор не имеющих однозначного толкования. Одним из таких мало разработанных сюжетов является оценка взаимного восприятия официальными кругами и общественностью двух стран – США и СССР.

Образ Соединенных Штатов Америки в советском обществе в послевоенный период подвергался значительной трансформации в силу целого ряда внутренних и внешних причин. Появлением внешнего фактора стали советско-американские отношения, которые претерпели за период с 1945 по 1953 год изменения: союзники по антигитлеровской коалиции превратились во враждующие стороны в холодной войне. Если в 1945–1946 гг. еще сохранялись надежды на возможность продолжения существования коалиции и получение Советским Союзом экономической помощи, то с 1947 г. на первый план выступают вопросы геополитические, связанные с борьбой за сферы влияния. В отношении СССР формируется политика «сдерживания», так как, по мнению американского руководства, традиционные отношения стали невозможны. Советские лидеры объявили США «поджигателями новой мировой войны» и претендентами на мировое господство.

Второй, не менее важной причиной, влиявшей на отношения с США и формировавшей образ этой страны в советском обществе, был идеологиче-

ский фактор. Согласно марксистско-ленинской теории всякое сотрудничество с капиталистическими странами могло носить только временный, вынужденный характер, что и наблюдалось во время Второй мировой войны. В дальнейшем Соединенные Штаты как лидер капиталистического мира неизбежно должны были рассматриваться в качестве врага. Особую роль в формировании идеологических и внешнеполитических стереотипов и «образа врага» сыграли идеологические кампании конца 40 – начала 50-х годов. Они настраивали советское общество на борьбу с внутренними и внешними врагами, создавая образ СССР как «осажденной крепости», воспитывали в советских людях стойкое неприятие всего иностранного, обвиняли во внутренних проблемах внешних и внутренних врагов, якобы связанных с мировым империализмом, и в первую очередь американским. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что кампании по борьбе с безыдейностью, низкопоклонством перед Западом, пережитками капитализма в сознании людей, «безродным космополитизмом» прокатились по всей стране, искалечили судьбы сотен тысяч людей и в определенной степени достигли поставленных целей.

Особую роль во внедрении в массовое сознание советских людей послевоенного мифологизированного образа Соединенных Штатов Америки играли средства массовой информации. Анализ публикаций в советской печати позволяет сделать вывод, что изменение образа США происходило постепенно. В 1945 г. и первой половине 1946 г. нередким явлением в прессе были позитивные материалы об Америке, информация о плодотворных советско-американских контактах. Но со второй половины 1946 г. образ США стал постепенно меняться. В публикациях появилось довольно абстрактное понятие – «реакционные круги США», которые обвинялись в антисоветских настроениях. Переломным моментом в изменении образа США стала осень 1947 г., когда на страницах советской печати Америка все чаще стала сравниваться с фашистской Германией и называться врагом номер один. Представляется, что своеобразным рубежным событием в этом отношении стал отказ СССР от присоединения к «плану Маршалла». С 1948 г. антиамериканская тематика в советской печати усилилась, а к 1949 г. негативные стереотипы восприятия этой страны сложились окончательно.

Пиком антиамериканской пропаганды в рассматриваемый период явились 1949–1953 гг. Необходимо отметить, что до этого времени антиамериканские публикации носили волнообразный характер и были реакцией на определенные политические события, такие, например, как речь У. Черчилля в Фултоне. Начиная с 1949 г. критические материалы о Соединенных Штатах появляются в центральной печати систематически. Агрессивный антиамериканизм стал одной из доминирующих тем всей совет-

ской пропаганды и приобрел всеохватывающий характер. Резкой критике подвергались все стороны американской жизни. Внешняя политика США однозначно характеризовалась как «захватническая» и «агрессивная». Экономика страны, по мнению советских средств массовой информации, находилась в постоянном кризисе, что вело к росту безработицы, разорению мелких производителей, обнищанию трудящихся. Американская культура характеризовалась эпитетами «разложение», «упадок», «растление». В американских школах господствовали «мракобесие и мордобой», целью медицины была нажива, а американская молодежь в основном состояла из бандитов, убийц и хулиганов.

Нельзя утверждать, что мифологизированный образ США формировался только на основе клеветнических измышлений. Многие негативные факты и явления действительно имели место. Однако поскольку все материалы подавались только в одном ключе и представлялись как *вся* правда об Америке, образ ее получался односторонне негативным и мифологизированным.

Поддерживать необходимый советскому руководству образ Америки помогали не только средства массовой информации, но и литература, и искусство. В широкомасштабную идеологическую кампанию были вовлечены писатели, драматурги, артисты театра, кино, эстрады и цирка. Произведения популярных писателей и образы, созданные любимыми артистами, подчас влияли на людей больше, чем официальная пропаганда.

Необходимо отметить еще один фактор, который повлиял на очень быстрое формирование нового образа врага в советском послевоенном обществе. Противостояние Западу – одна из устойчивых характеристик русской истории. Это противостояние мифологизируется, обрастает стереотипами. Стереотипы постепенно рождают образ, являющийся частью духовной жизни общества, одним из звеньев, определяющих понятие ментальность. Особенно применимо понятие «образ» к этническим представлениям, характеризующим восприятие отдельного народа, нации или страны. Разделение на «своих» и «чужих» было характерно для оценки русским народом окружающего мира еще в дореволюционный период. События 1917 г. противопоставили Россию другим странам. Одновременно усиливается закрытость общества. Внешний мир стал представляться опасной зоной, где действуют враждебные силы. Многолетняя атмосфера ксенофобии способствовала тому, что антиамериканская пропаганда легла на подготовленную почву.

Одной из важнейших задач советской пропаганды в послевоенный период было убедить советских людей в том, что Америка является их основным врагом.

Насколько результативна была эта пропаганда? Как воспринимали советские люди политические мифы об этой стране, которая, по словам Ф. Баргхорна¹, «больше похожа на жуткую фантазию Оруэла в «1984»².

Говорить о том, как реагировало общественное мнение в нашей стране на антиамериканскую пропаганду на данном этапе достаточно сложно. Тем более что до сих пор остается открытым вопрос о том, существовало ли оно в советском обществе в тот период и какое влияние на него оказывал сталинский режим.

Все источники подтверждают, что вторая половина 40-х гг. характеризовалась довольно благожелательным отношением советских людей к Америке. Известный писатель В. Аксенов отмечал, что «во время войны возникло стойкое ощущение Америки как страны сказочного богатства и щедрости. В памяти народа слово «Америка» связано было с чудом появления вкусной и питательной пищи во время военного голода. Мешки с желтым яичным порошком, банки сгущенки и ветчины спасли от смерти сотни тысяч советских детей. Коммуникации поддерживались американскими «студебеккерами», «дугласами», «доджами»³. Поэт И. Бродский, вспоминая свое детство в блокадном Ленинграде, отмечал, что к концу блокады появилась американская говяжья тушенка, которая была первым за долгий срок мясом. Однако более памятным в его детстве оказалось не столько мясо, сколько сами высокие «четырехугольные, с прикрепленным на боку ключом» банки, они «возвещали об иных принципах механики, об ином мироощущении вообще»⁴. Ф. Баргхорн, продолжая эту тему писал: «Хорошее отношение русских к американцам было типичным после войны. Хотя советская пропаганда пыталась уменьшить и принизить значение материальной помощи Америки, она производила большое впечатление. Во всех частях Советского Союза, где я жил или путешествовал, я видел американские продукты питания, одежду и другие изделия в продаже в государственных магазинах, на черном рынке или в домах советских людей. Мне говорили советские друзья, что американское продовольствие было иногда намного важнее, чем оружие»⁵.

Использование американской техники в Советском Союзе отмечал американский писатель Дж. Стейнбек во время своей поездки по стране в 1947 году. В Москве он попал на лодочные соревнования, где отметил, что они проходили на маленьких водных скутерах с подвесными моторами: «И мы заметили, что многие моторы были марки “Эвинруд”, а также

---

¹ Ф. Баргхорн с 1943 по 1947 г. работал пресс-атташе посольства США в Советском Союзе.

² *Barghorn F. The Soviet Image of the United States. A study in distortion. N. Y., 1950. P. 277.*

³ См.: Аксенов В. В поисках грустного бэби: Книга об Америке. М., 1991. С. 13–14.

⁴ Бродский И. Трофейное // Бродский И. Собр. соч: В 4 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 184.

⁵ *Barghorn F. Op. cit. P. 236.*

других американских марок»⁶. То, что высказывания американских авторов соответствуют действительности, подтверждается и данными, приведенными в мемуарах Н. С. Хрущева. Он пишет, что уже после смерти И. Сталина на московских парадах все военные тягачи оставались американскими и почти вся наша военная техника, которая стояла в ГДР, тоже была на американских студебеккерах: «Уже столько лет прошло, как кончилась война, а мы все еще ездим на американской технике»⁷.

Надо сказать, что образ Соединенных Штатов как страны технических чудес не был новым. Такое представление бытовало в нашей стране еще до революции 1917 года. Но наводнение американскими товарами СССР в течение войны усилило это впечатление.

До войны советским людям навязывалось пропагандистское изображение Америки как типичной капиталистической страны, состоящей из богатого паразитического меньшинства и бедного эксплуатируемого большинства. Их контакты с американцами сразу после войны позволили больше узнать об американском образе жизни. Характерно изумление советских людей, когда они узнавали, сколько средний американский рабочий или служащий может купить в месяц на свою зарплату. «Это неудивительно, — писал Ф. Баргхорн, — если иметь в виду тот факт, что когда я был в СССР, хороший костюм стоил в несколько раз больше, чем ежемесячный доход советского рабочего или служащего»⁸. Автор приводит много примеров, показывающих реакцию советских людей, когда они сравнивали аскетизм их собственной жизни с тем, что они узнавали об американском образе жизни.

Интерес советских людей к Америке, к американскому образу жизни подтверждают и архивные документы. Причем эти документы отражают жизнь не только больших городов, но и районной глубинки. Агитатор Лысогорского района Саратовской области на областном совещании агитаторов отмечал, что колхозники интересовались Америкой, тем, как американцы относятся к советским людям. Такие беседы проходили очень оживленно⁹. Интерес к Америке, к ее внутренней и внешней политике подтверждает и большое количество вопросов, которые задавались лекторам после лекций: «Покупаем ли мы в Америке товары?», «Ввозим ли мы хлеб из Америки?», «Почему Трумен сменил курс политики Рузвельта?»¹⁰, «Имеются ли какие-либо торговые взаимоотношения между Советским Союзом и США?», «Дата выборов в США?», «Какую политическую линию занимают Элеонора Рузвельт и ее сыновья?»¹¹, «Почему ушел в отставку

---

⁶ *Стейнбек Дж.* Русский дневник. М., 1989. С. 17.

⁷ *Хрущев Н. С.* Воспоминания. М., 1997. С. 176.

⁸ *Barghorn F.* Op. cit. P. 249.

⁹ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 685, л. 245–246.

¹⁰ Там же. Д. 228, л. 48, 260, 339.

¹¹ Там же. Д. 698, л. 111, 118, 120.

посол США в СССР Смит?»), «Чем объяснить медленный рост революционных сил в США?»¹² и др. Даже если учесть, что в отчетах агитаторов вопросы слушателей корректировались в соответствии с общей линией советского руководства, все же следует признать постоянный и устойчивый интерес советских людей к внешней и внутренней политике США. Дж. Стейнбек, говоря о вопросах, которые ему задавались, отмечал: «В них не чувствовалось никакой враждебности – лишь удивление и интерес»¹³. Из своей поездки американский писатель вынес мнение, что русские считают важным торговый договор между СССР и Америкой, поскольку, как отметил один из собеседников писателя, «Россия отчаянно нуждается в товарах, которые производит Америка: сельскохозяйственном оборудовании, тракторах, грузовиках и локомотивах. И предположил, что и Соединенные Штаты может заинтересовать кое-что из того, что производит Россия, и упомянул драгоценные камни, золото, древесину, хром, вольфрам»¹⁴.

Кроме отмеченных материальных сторон, большой интерес советские люди проявляли к американской науке, литературе, драматургии. Особенно это касалось американских фильмов и музыки (особенно джаза). В прокате в основном были американские фильмы 30-х годов. «Я смотрел “Путешествие будет опасным” не менее десяти раз, – вспоминал В. Аксенов, – “Судьбу солдата в Америке” не менее пятнадцати раз. Было время, когда мы со сверстниками объяснялись в основном цитатами из таких фильмов. Так или иначе для нас это было окно во внешний мир из сталинской вонючей берлоги»¹⁵. Один из высших офицеров советских ВВС, вспоминая свою юность, отмечал: «Большую ошибку допустил товарищ Сталин, разрешив нашему поколению смотреть трофейные фильмы»¹⁶. С этим был согласен и И. Бродский, который, в свою очередь, считал, что в закрытом на все замки обществе его ровесники «скорее извлекали из этих картин информацию, нежели развлекались»¹⁷.

Еще одной областью искусства, оказавшей такое же большое влияние, как американские фильмы, был американский джаз. В жизни определенной части молодежи джаз занял большое место, что очень беспокоило партийно-комсомольские органы. Американский джаз проник в СССР в конце 40-х гг. через радиостанцию «Голос Америки», которая каждую ночь передавала специальную музыкальную программу «Час джаза». Музыка записывалась на очень редкие в то время магнитофоны. Записи затем размножались на рентгеновских пленках – «джаз на костях». «Эти

---

¹² ЦДНИСО. Ф. 30, оп. 2, д. 1042, л. 51.

¹³ Стейнбек Д. Указ. соч. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 122.

¹⁵ Аксенов В. Указ. соч. С. 16–17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бродский И. Указ. соч. С. 190.

жутковатые на вид диски можно было купить там же, где и самодельные фотографии западных кинозвезд: в парках, общественных туалетах, на толкучке и в ставших тогда знаменитыми коктейль-холлах», – писал И. Бродский¹⁸. Власть была настолько обеспокоена этим новым увлечением молодежи, что, как пишет Л. Брусиловская, ему был приклеен ярлык «американское идеологическое оружие», с которым надо было бороться самым решительным образом¹⁹. Лозунг «Сегодня ты танцуешь джаз, а завтра Родину продашь!» – был самым популярным на комсомольских собраниях 40–50-х годов. Джазовых музыкантов выгоняли с танцплощадок и они устраивали подпольные вечера, которые часто разгоняли дружинники или милиция. Дж. Стейнбек писал в «Русском дневнике», что часто слышал джазовую музыку в ресторанах тех городов, где он побывал, а также присутствовал на концерте тифлисского джаз-оркестра на берегу моря: «Музыканты заняли свои места в маленькой оркестровой раковине около пляжа и сыграли вариации из американского джаза: “Shine”, “Chine boy”, “In the Mood”»²⁰. Писатель отмечал, что оркестру плохо удавалась американская музыка, так как русские оркестры рабски подражали записям, которые они слышали, а американские музыканты импровизируют, вкладывая в музыку свою душу и воображение. Но, видимо, желание приобщиться к чему-то новому, до конца непонятному, было велико, и неудачи не останавливали советских любителей джаза. Ф. Баргхорн писал в своей книге, что несколько членов московского джазового оркестра (видимо, существовавшего, несмотря на запреты) стремились получить ангажемент в Америке и, некоторые американцы помогали своим друзьям – советским музыкантам. Американский дипломат также вспоминает, что любимым местом поклонников зарубежной музыки был ночной клуб, где играл джазовый оркестр Александрова, который исполнял американский джаз и пользовался большим успехом²¹.

Такие проамериканские настроения были, конечно, характерны далеко не для всего населения. Даже в течение самого благоприятного периода советско-американского союза среди советских людей имело место и негативное отношение к Соединенным Штатам. Советское руководство, обладавшее монополией на средства массовой информации, сумело убедить большинство советских людей, что если начнется война между СССР и Америкой, то Америка неизбежно будет агрессором. «Но я чувствовал, – писал Ф. Баргхорн, – и большинство компетентных иностранных обозревателей согласны были с моими впечатлениями и мнением, что положитель-

---

¹⁸ Бродский И. Указ. соч. С. 187.

¹⁹ См.: Брусиловская Л. «Американский бродвей», «джаз на костях» и «пожар в джунглях» // Родина. 1998. № 8. С. 81.

²⁰ Стейнбек Д. Указ. соч. С. 117.

²¹ См.: Barghorn F. Op. cit. P. 244.

ное отношение советских людей к Соединенным Штатам перевешивало отрицательное... На основе некоторых фактов я полагаю, что имелось психологическое сопротивление или, по крайней мере, безразличие к советской антиамериканской кампании»²². С ним был согласен официальный представитель американского правительства, который путешествовал по СССР в 1948 году. По его мнению, антиамериканская пропаганда набирала обороты, но очень медленно²³.

С углублением холодной войны положение изменилось. Антиамериканская пропаганда достигла своего апогея в конце 40 – начале 50-х годов. «Железный занавес» перекрыл любые контакты советского народа с американскими журналистами, деятелями культуры и науки. Основными источниками информации для подавляющего большинства граждан СССР являлись советские газеты и радио. Они формировали необходимые коммунистическим идеологам представления о США. Информационные материалы сводились к резкой критике внутренней и внешней политики Америки. Средства массовой информации всячески избегали публикации материалов о послевоенных успехах в экономической и социальной жизни этой страны. У советских людей сознательно формировали «одноцветное» негативное восприятие американской жизни.

Американский журналист Вернер Кнор в статье, опубликованной в январе 1949 г., писал, что средства массовой информации в СССР показывали Америку как бы с двух сторон: с одной стороны, Америка Рузвельта и Уоллиса, Америка угнетенных негров, поработанных рабочих и интеллигенции, борющейся за демократию, с другой – изображалась полуфашистская Америка Маршалла и Уолл-Стрит. В. Кнор особенно был поражен тем, с какой тоской и испугом русские говорили об Америке. Она представлялась им «смесью монстра и волшебного принца. Что-то жадное, жестокое, упадническое, но столь же богатое, эффективное, изобретательное, сверкающее и искусственное»²⁴. Это мнение американский журналист вынес из разговора с офицером советской армии, находившегося в советской зоне оккупации Германии.

Усилия советской пропаганды конца 40– начала 50-х гг. были направлены на то, чтобы уничтожить чувства уважения, восхищения и дружелюбия к Америке в советском обществе. И, безусловно, в определенной степени это удалось.

Недовольство советских людей жизнью, желание узнать, как живут более развитые страны, приводило к поиску альтернативных источников ин-

---

²² Barghorn F. Op. cit. P. 253.

²³ Ibid. P. 256.

²⁴ Ibid. P. 257–258.

формации. Ими становились зарубежные радиостанции. Советская пресса предупреждала, что «с самого начала своей деятельности “Голос Америки” разоблачал себя как пропагандистский орган империалистических клик США, как голос Уолл-Стрита... В американском радио подвизаются сейчас отъявленные лжецы, отребье без стыда и совести. Свободолюбивые народы с омерзением отворачиваются от лживой радиотрескотни американского радио и жадно внимают голосу мира, который мощно звучит из Советского Союза и стран народной демократии»²⁵. Однако архивные документы часто свидетельствовали об обратном. Уже в разгар антиамериканской кампании в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову «О работе группы отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в Калининградской областной партийной организации» говорилось, что «в области имеет место слушание заграничных радиопередач, таких как «Би-би-си», «Голос Америки», а в некоторых районах (Приморском, Правдинском и др.) население не только регулярно слушает заграничное вещание, но и обсуждает эти радиопередачи. Партийные организации области не принимают никаких мер по борьбе с вражеской пропагандой, не ведут разъяснительной работы среди населения»²⁶.

О том, что прослушивание передач зарубежных радиостанций носило массовый характер, свидетельствуют и другие источники. В частности, известный партийный и государственный деятель А. Яковлев, который в конце 40-х гг. работал заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Ярославского обкома партии, вспоминает, что сотрудники госбезопасности систематически докладывали ему о тех, кто слушает «Голос Америки»²⁷. Следовательно, можно утверждать, что прослушивание зарубежных радиостанций приняло достаточно значительные масштабы. Подтверждает это в своих воспоминаниях и И. Бродский, отмечая, что многие его сверстники слушали зарубежное радио²⁸. Подобные случаи отмечались и в Саратовской области. На партийном собрании физического факультета Саратовского государственного университета в марте 1950 г. говорилось, что «Саламахин Г. П. несколько раз рассказывал студентам, проживающим с ним в одной комнате, о слышанных им радиопередачах “Голос Америки”»²⁹.

Приведенные примеры вряд ли были единичными, иначе как объяснить постановление Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с антисоветским радиовещанием» от 19 апреля 1949 г. за № 1516–547сс, которое обязывало органы Министерства связи «принять все необходимые меры к

---

²⁵ Культура и жизнь. 1950. 11 апр.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 456, л. 45.

²⁷ См.: Яковлев А. Омут памяти. М., 2000. С. 54.

²⁸ См.: Бродский И. Указ. соч. С. 187.

²⁹ ЦДНИСО, ф. 35, оп. 13, д. 205, л. 149.

улучшению дела закрытия антисоветского вещания и увеличению имеющихся средств борьбы»?³⁰ Однако, как отмечается в докладной записке начальника саратовского областного Управления связи Мажаева секретарю Саратовского обкома ВКП(б) Г.А. Боркову от 13 мая 1952 г., «за последние годы Управлением связи и коллективом работников Особой службы проделаны значительные работы по умоощнению имеющихся радиопередающих средств, но и этого в настоящее время совершенно недостаточно, так как США и Англия привлекают для антисоветского вещания все большее и большее количество радиостанций»³¹. В докладной записке говорилось, что в 1952 г. Министерство связи выделило саратовскому Управлению аппаратуру для установки на имеющихся объектах Особой службы связи. Поэтому «в целях усиления борьбы с американской радиопропагандой в городе Саратове и Саратовской области» стало необходимым «представление соответствующего помещения для приемного центра Особой службы связи», что «принесет большую пользу делу особой государственной важности»³².

Интерес к Америке у определенной части населения Советского Союза безусловно оставался. Но выражать его открыто, как это было после войны, стало опасно. Недавний союзник во Второй мировой войне стал злейшим врагом. «Из любого номера газеты на нас смотрели страшные оскаленные зубы империалиста дяди Сэма, свисали его вымазанные в крови свободолюбивых народов мира длинные пальцы, алчущие новых жертв», — вспоминает писатель В. Аксенов тот образ Америки, который навязывался советской пропагандой³³. Советское руководство, используя мощный идеологический аппарат, продемонстрировало способность внедрить в сознание населения страны негативные представления об Америке. Проамериканские настроения в одних случаях были уничтожены этими усилиями, а в других — ушли в глубокое подполье.

Более открыто проамериканские настроения выражала столичная «золотая молодежь», как правило, дети политической и дипломатической элиты, имевшие возможность пользоваться материальными ценностями Запада. Девятнадцатилетним казанским провинциалом В. Аксенов в 1952 г. попал на вечеринку в московское «высшее общество», в «один из кружков московских американофилов». «Это была вечеринка в доме крупнейшего дипломата, и общество состояло в основном из дипломатических отпрысков», — вспоминал В. Аксенов. Американская радиола, буги-вуги, пластинки с записями Луи Армстронга, Вуди Германа, Бинга Кросби, сигаре-

---

³⁰ ЦДНИСО, ф. 35, оп. 2, д. 1762, л. 179.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 180.

³³ Аксенов В. Указ. соч. С. 12.

ты «Кэмел», словечки «бэби», «летс дринк», «дарлинг», парни в «пиджаках с огромными плечами, в узких черных брюках и башмаках на толстой подошве» были яркими примерами тогдашней моды на «все американское». Пыталась не отставать от столицы и провинциальная молодежь. В. Аксенов вспоминал: «Наша компания в Казани тоже изо всех сил тянулась к этой моде. Девушки связали нам свитера с оленями и вышивали галстуки с ковбоями и кактусами»³⁴.

Определенным фрондерством, противодействием пропагандистскому насилию становится «стиляжничество» – возникновение особой молодежной субкультуры, ориентированной на Запад³⁵. Клетчатые пиджаки с ватными плечами, яркий галстук с экзотическим рисунком «пожар в джунглях», узкие брюки, ботинки на толстой подошве, длиннее, чем обычно, волосы – так выглядел примерный портрет стиляги начала 50-х гг., так, считали они, одевался их современник-американец. «Боже, каких мук, каких ухищрений и красноречия, – вспоминал И. Бродский, – стоило убедить наших мамаш – сестер – теток переделать наши неизменные черные обвислые послевоенные портки в прямых предшественников тогда еще нам неизвестных джинсов! Мы были непоколебимы, – как, впрочем, и наши гонители – учителя, милиция, соседи, которые исключали нас из школы, арестовывали на улицах, высмеивали, давали обидные прозвища»³⁶. Так, по мнению Е. Зубковой, повинуясь инстинкту противоречия, молодые люди объявляли «своим» то, что официальная пропаганда отторгала как безусловно чужое. Они придумывали «свою» Америку и «своих» американцев и подражали уже этому выдуманному образу и выдуманному миру³⁷.

«Стиляжничество» – явление молодежное и в основном городское – было обвинено в преклонении перед Западом. Оно не выражало настроения всей советской молодежи и было скорее исключением из правил, но исключением ярким и запоминающимся.

Начало 50-х гг., как уже говорилось, стало апогеем антиамериканской кампании. И она, безусловно, оказала огромное влияние на формирование у советских людей негативных стереотипов восприятия Америки. Самым распространенным и наиболее живучим стал стереотип «поджигателей новой мировой войны». Он был наиболее понятен людям, пережившим тяжелую войну. Что касается остальных стереотипов и мифов об американском образе жизни, то они воспринимались по-разному.

---

³⁴ Аксенов В. Указ. соч. С. 12–13.

³⁵ См.: Брусиловская Л. Указ. соч. С. 81.

³⁶ Бродский И. Указ. соч. С. 189.

³⁷ См.: Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. М., 2000. С. 153–154.

Жители деревень, куда редко доходили газеты, где иногда не было и радио, слабо были охвачены советской пропагандой. От приезжих пропагандистов, читавших лекции о международном положении, оставалось смутное ощущение тревоги. Многие слова были непонятны, и беспокоила их только возможность новой войны. Очень показателен в этой связи вопрос, заданный секретарем парторганизации одного из колхозов Саратовской области лектору во время учебы на специальных курсах при Саратовском обкоме ВКП(б) в 1951 г.: «Поясните слово “растленная” буржуазная культура»³⁸. В то время как это слово было основной характеристикой американской культуры и звучало почти ежедневно во всех газетах страны, оно было непонятно даже некоторым партийным работникам. Что же тогда было говорить о простых людях. Еще более яркий пример содержится в другом документе. На совещании заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов и горкомов ВКП(б) по вопросу подготовки к новому учебному году в системе партпросвещения выступающий Кагаловский отметил, что «один руководитель во время беседы в ответ на вопрос, что такое Уолл-Стрит заявил, что это крупнейший революционер в Америке»³⁹.

Таким образом, на мой взгляд, антиамериканская пропаганда конца 40 – начала 50-х гг. не достигла того результата, к которому стремилось руководство страны. Антиамериканские настроения не охватили весь советский народ и не стали образом мысли всех слоев населения. Произошло это по разным причинам: еще сильны были воспоминания об американской помощи во время войны, еще пользовались американской техникой, еще не были забыты советскими солдатами и офицерами Советской Армии картины западной жизни и общение с американскими союзниками. Широкой популярностью долгие годы пользовались американские фильмы, повлиявшие на формирование мировоззрения целого поколения молодежи. Запрещенный джаз прорывался сквозь преграды и запреты. Кроме того, уровень образования в деревне и небольших городах был настолько низок, что большинство «изысков» антиамериканской пропаганды было непонятно большинству населения страны. Тем не менее советскому руководству удалось посеять семена недоверия, подозрения к Америке, опасения новой войны, на которых за долгие годы холодной войны вырос устойчивый антиамериканизм, проявления которого встречаются и сегодня.

---

³⁸ См.: ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 1800, л. 121.

³⁹ Там же. Д. 656, л. 287.

«МЫ ВСЕ БЫЛИ ЖЕРТВАМИ»: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПОСЛЕВОЕННОЙ АМЕРИКЕ

С самой крошечной Коммунистической партией в мире США ведут себя так, словно находятся на грани кровавой революции.

*Артур Миллер*¹

Политическая жизнь в послевоенной Америке напоминала бурлящий котел. С одной стороны, обозначилось заметное усиление консервативных настроений, выразителями которых были деловые круги США, разбогатевшие на войне и ратовавшие за ужесточение отношений с СССР. С другой – в либеральных кругах Америки еще с середины 30-х гг. стали активно распространяться социалистические идеи, появились сторонники социалистического реформирования как пути выхода из кризиса. «Красное десятилетие» (30–40-е гг.) способствовало росту численности коммунистической партии США, которая увеличилась с 25 тыс. в 1934 г. до 75 тыс. в 1938 году. Однако главная линия конфликта в обществе пролегла между сторонниками и противниками продолжения политики «нового курса». Окрепший в годы войны средний класс Америки требовал продолжения борьбы с бедностью и безработицей, преобразования сферы распределения, утверждения распределительной справедливости. Сторонники корпоративного капитализма, напротив, настаивали на сокращении программ социальной помощи и наказании «распоясавшихся» профсоюзов. Усложняли положение новой администрации проблемы, связанные с ростом инфляции, забастовочным движением, массовой миграцией афро-американцев на север США, гомосексуализмом в американской армии и др.

Политическая культура американского общества подверглась изменению под воздействием ряда факторов, важнейшими из которых являлись: во-первых, обновление внешнеполитической доктрины США и переход от идеи о цивилизаторской² к доктрине сдерживания и политике отвоевывания геополитического и духовного пространства, оказавшегося под влиянием и контролем СССР³; во-вторых, начало холодной войны потребовало

---

¹ Цит. по: *Bernstein R. Kazan and Miller* / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/kazan-miller.htm>

² См.: *Мальков В. Л.* Американская мечта как символ веры и внешнеполитическая стратегия. Протоистория «империи по приглашению» // *Американский ежегодник*. 1999. М., 2001. С. 145.

³ Там же. С. 149.

от новой администрации подготовки прочного внутривнутриполитического тыла для проведения активной внешней политики, создание которого было связано с внедрением в массовое сознание американцев новых идей, которые в дальнейшем получили название идеологии нового американизма⁴.

Рассмотрению усилий новой администрации по формированию в американском обществе новых политических идеалов, а также выявлению происшедших вследствие этого изменений в политической культуре общества посвящена данная статья.

Известно, что новые политические идеалы рассматривались администрацией Трумэна как объединяющее начало, как система ценностей, приоритетов американской цивилизации, в корне противоположных идеалу социалистических стран. В качестве главных составляющих нового американизма провозглашались кооперация (курс на классовую гармонию), консенсус (признание общих для всех американцев приоритетов внешней политики) и изобилие⁵. Обратной стороной нового американизма стала борьба с «подрывной» деятельностью коммунистической партии США и ее иностранных агентов на территории Америки, которая в короткие сроки превратилась в настоящую охоту на нелояльных граждан.

Судя по всему, прелюдией исторической драмы, разыгравшейся в Америке в конце 40 – первой половине 50-х гг., следует считать создание в 1938 г. парламентского Комитета по расследованию антиамериканской деятельности⁶ по инициативе депутата нижней палаты конгресса, представителя консервативного крыла Демократической партии Мартина Дайеса. В резолюции конгресса за № 282 о создании Комитета его задачи определялись как расследование «подрывной» деятельности, под которой понимались не только действия, но и всякого рода пропаганда, направленная против существующей формы правления⁷. Конгресс наделил Комитет судебными полномочиями процессуального характера.

Закон Смита, одобренный конгрессом 29 июня 1940 г., расширил и конкретизировал понимание «подрывной» деятельности, включив в число лиц, ее осуществлявших, не только совершивших государственную измену или вступивших в заговор с целью свержения правительства США, но и проповедовавших, защищавших, распространявших антиамериканские идеи, в том числе и в учебном процессе, а также контактировавших с индивидами, организациями, причастными к такого рода деятельности. За-

---

⁴ Об идеологии нового американизма см. подробнее: *May L. Big Tomorrow: Hollywood and the Politics of American Way. Chicago, 2000. P. 180; Recasting American and Politics in the Age of Cold War / Ed. By L. May. Chicago; L., 1989. P. 127.*

⁵ См.: *Recasting American Culture and Politics in the Age of Cold War. P. 127.*

⁶ Далее: HUAC или Комитет.

⁷ См.: *U.S. Congress. House Committee on Un-American Activities. Washington, 1954. P. 4.*

кон, официально предназначенный для пресечения немецко-фашистской пропаганды в США, теперь определял отношение к выше названным действиям и ввел обязательную регистрацию всех иностранцев старше 14 лет с занесением данных о личности, роде деятельности и пр. в информационные архивы ФБР. За четыре месяца, с июля по октябрь 1940 г., было зарегистрировано 4 741 971 человек⁸.

В 1947 г. Комитет по антиамериканской деятельности, возглавляемый Парнелом Томасом, начал расследование «подрывной» деятельности в Голливуде. Голливуд не случайно был выбран в качестве мишени. Защитники нового американизма опасались, что главный канал формирования стереотипов массовой культуры выйдет из-под контроля властей. Кроме того, Комитету нужно было привлечь внимание широкой общественности к своей деятельности, и в этом смысле Голливуд, где по данным ФБР работало около 300 коммунистов, был заведомо бесприкрытым вариантом⁹. Члены Комитета не могли простить кинопромышленникам фильмов с так называемой прорусской тематикой («Миссия в Москву», «Песнь о России» и др.), появившихся в прокате в годы Второй мировой войны и создававших на экране образ дружественной России, одержавшей победу над злейшим врагом человечества. В ходе следствия в число «подрывников» попали 19 сценаристов и режиссеров. Девять из них (Д. Трамбо, А. Мальц, А. Бесси, С. Орнинц, Х. Биберман, А. Скотт, Р. Ларднер, Л. Коул, Д. Лаусон) в 50-е гг. были приговорены к тюремному заключению на срок от 6 до 12 месяцев. В сотрудничестве с Кремлем также были обвинены звезды американского кинематографа К. Гейбл, Р. Тейлор, Дж. Кэгни и даже 81-летний Ш. Темпл¹⁰.

После процесса над «голливудской десяткой», широко разрекламированным по всей стране, руководство киноиндустрии запретило принимать на работу членов радикальных политических партий и ввело цензуру на фильмы со злободневной социальной тематикой, вскрывавшие острые социальные проблемы внутри американского общества¹¹. Таким образом, Комитет добивался создания образа благополучной Америки в картинах, которые охотно раскупались европейскими странами.

Со времен голливудских слушаний берет свое начало еще один мрачный символ 50-х гг. — «черные списки». В «черные списки» заносились имена участников разоблачительных слушаний, отказавшихся давать показания, рискнувших защищаться, апеллируя к V поправке в конституции

---

⁸ См.: McCarthyism / <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/mccarthyism.htm>

⁹ См.: Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/schrecker-blacklist.htm>

¹⁰ См.: Rose L. A. The Cold War Comes to Main Street: America in 1950. Lawrence, 1999. P. 27.

¹¹ См.: HUAC and Censorship Changes / <http://www.moderntimes.com/palas/huac.htm>

США, обвиненных в нелояльности правительству из-за членства в КП США в прошлом и по другим основаниям. Поскольку «черные списки» публиковались, то из-за естественного желания работодателей не вступать в конфликт с властями «черносписочники» были лишены возможности снова устроиться на работу, их семьи попадали под пристальный контроль ФБР и его агентов, отношение бывших коллег по работе и окружающих резко менялось из-за страха навлечь на себя подозрения спецслужб, а свобода передвижения ограничивалась, вплоть до изъятия паспортов.

Весной 1947 г. после вступления в силу Федеральной программы по проверке лояльности служащих органы службы безопасности США были наделены полномочиями по проверке любого государственного служащего на предмет причастности «к тоталитарным, фашистским, коммунистическим или “подрывным” организациям и группам», ставившим цель изменить форму правления в США неконституционными способами¹². Был составлен список таких организаций на основании источников ФБР и НУАС. К 1954 г. в списке значились Комитет по защите негров в искусстве, Комитет защитников Билля о правах, Лига американских писателей, Вашингтонская ассоциация книгоиздателей и др.¹³ По итогам расследования ФБР было уволено около 2700 служащих¹⁴.

Доктрина «опасной тенденции», которая стала активно внедряться в судебную практику с весны 1947 г., послужила основанием для серьезного нарушения гражданских прав судами общей юрисдикции, конгрессом, его комитетами и подкомитетами и рядовыми гражданами¹⁵. Процедура парламентских слушаний также проходила с грубейшими нарушениями гражданско-процессуального права и конституционных прав¹⁶. Председатель Комитета был одновременно судьей, прокурором и председателем жюри присяжных. Обвинения строились на показаниях одного свидетеля, как правило, профессионального агента-информатора. Весь процесс дачи показаний сводился к тому, чтобы сбить подозреваемого с толку и обвинить его в лжесвидетельстве. В случае отказа давать показания вообще или сообщать информацию о других выносилось обвинение в неуважении к суду. В

---

¹² См.: Excerpt from Howard Zinn's A People's History of the United States / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/zinn-chap16.htm>

¹³ См.: Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/blacklist.htm>

¹⁴ См.: The Documentary History of the Truman Presidency: In 35 vol. Vol. 25 / [http://www.trumanlibrary.org/Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 25. President Truman's.htm](http://www.trumanlibrary.org/Documentary%20History%20of%20the%20Truman%20Presidency.Vol.25.PresidentTruman's.htm)

¹⁵ См.: Бонцевич Н. Н. Интеллектуалы и власть в США (1947–1953) // Диалог со временем. 2002. № 9.

¹⁶ V поправка к конституции США содержит запрет на принуждение человека к даче показаний против себя.

ходе слушаний подозреваемому четко давали понять, что лучший способ доказать свою непричастность к коммунистам – назвать имена своих коллег, которые состояли или состоят в коммунистической партии США¹⁷.

Обстановка в американском обществе накалялась по мере усложнения ситуации на международной арене, в частности обострения отношений между бывшими союзниками, СССР и США. В обществе неизмеримо возрос страх перед возможным военным вторжением Советов после успешного испытания атомной бомбы в СССР и провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Госсекретарь США Дин Ачесон, выступая перед конгрессом летом 1949 г., сделал тревожный для американцев прогноз о возможном нападении СССР на США в 1951 или 1952 году¹⁸.

Когда ожидания военного вторжения СССР не оправдались, американское правительство создало новый миф о «секретной паутине» – целой сети советских спецслужб, перед которыми руководство поставило цель разрушить американское общество изнутри, подорвать его основы, силу и мощь. Громкие разоблачительные процессы сначала над Алгером Хиссом в 1949 г., а потом супругами Розенберг в 1951 г., обвиненными в шпионаже в пользу СССР, усилили впечатление рядовых американцев о разветвленной и хорошо отлаженной сети советских спецслужб на территории США.

Поддержанию устойчивых антикоммунистических, антисоветских настроений в обществе способствовала слаженная работа печатной промышленности, конгрессовских комитетов, средств массовой информации, Голливуда по внедрению в сознание американцев определенных идей. Еще в 1948 г. HUAC выпустил большим тиражом брошюру с характерным названием «Сто вещей, которые тебе следовало бы знать о коммунизме», а конгресс опубликовал официальные доклады «Советский шпионаж в правительстве США», «Сто лет коммунизма», «Коммунизм на Ближнем Востоке», «Коммунизм в действии: документальный анализ деятельности коммунистического правительства в СССР»¹⁹.

Министерство юстиции и ФБР также приложили руку к выпуску антикоммунистических памфлетов. Даже Торговая палата не осталась в стороне и выпустила брошюры «Коммунизм в правительстве», «Коммунизм в профсоюзном движении», «Проникновение коммунистов в США». В программах национального радиовещания появились передачи о советских шпионах и провокациях коммунистов. Между 1947 и 1950 гг. вышли книги со следующими названиями: «Красные заговорщики», «Советские шпио-

---

¹⁷ См.: HUAC and Censorship Changes / <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/huac.htm>

¹⁸ См.: USA Today / By H. and S. Nearing. Harborside; Main, 1955. P. 115 (далее: USA Today).

¹⁹ См.: Rose L. A. Op. cit. P. 33.

ны», «Коммунизм в Америке», «Борьба за железным занавесом», «Потерянный шанс в Китае», «Коммунизм и совесть Запада», «Фальшивый Христос коммунистов и социальное Евангелие», «Американский капитализм против русского коммунизма», «Я никогда не вернусь назад», «Почему я сбежал», «Железный занавес» и мн. др.

Центральные газеты и журналы охотно размещали статьи антисоветского содержания на своих полосах. Антикоммунистическая обличительная тематика в конце 40 – начале 50-х гг. стала характерна для голливудских фильмов. В картинах «Красная угроза», «Замужем за коммунистом», «Конспиратор», «Процесс», «Виновен в государственной измене» и в еще более чем тридцати фильмах коммунисты изображались исключительно как агенты СССР, это превратилось в стереотип для создателей фильмов²⁰. Семисерийный фильм «Выживание», который был показан по телевидению в 1951 г. и представлял собой наглядное пособие, свод правил и подробный инструктаж для пытавшихся выжить в непривычных, кризисных условиях, посмотрели 12 млн американцев²¹.

Начало войны в Корее в июне 1950 г. способствовало расширению президентских полномочий и усилению позиций гражданских служб. Согласно пункту 103 Акта о внутренней безопасности (Маккарэна-Вуда) министр юстиции в случае объявления президентом чрезвычайного положения мог производить задержание лиц, «в отношении которых имелись серьезные основания полагать, что эти лица вовлечены или подстрекают других к шпионажу или саботажу». Самым одиозным положением закона стал пункт о создании федеральных концентрационных лагерей на случай чрезвычайного положения для содержания подозрительных с точки зрения Министерства юстиции лиц. По свидетельству британских журналистов Хелен и Скота Нэрингов, которые работали в США в начале 50-х гг., шесть таких лагерей были построены во Флоренции, Викенбурге (штат Аризона), Эвон-Парке (штат Флорида), Алленвуде (штат Пенсильвания), Эль-Рено (штат Оклахома), Тул Лейке (штат Калифорния)²². Широкие следственные полномочия получил Сенатский подкомитет по контролю за «подрывной» деятельностью, который мог для реализации своих полномочий воспользоваться свидетельством любого гражданина²³.

В самый разгар холодной войны Комитет по антиамериканской деятельности организовал свой второй поход на Голливуд. Между 1951–1954 гг. на голливудских студиях было допрошено 324 работника, начиная

---

²⁰ См.: HUAC and Censorship Changes / <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/huac.htm>

²¹ См.: Brown J. A is for Atom, B is for Bomb: Civil Defense in American Public Education, 1948–1963 // The Journal of American History. Vol. 75, № 1. June 1988. P. 70.

²² См.: USA Today. P. 122.

²³ См.: Internal Security Act of 1950 // U.S. Congress House Committee on Un-American Activities. Washington, 1954. P. 163.

от техперсонала и заканчивая сценаристами и режиссерами. 212 из них потеряли работу и надолго выпали из киноиндустрии. Экономические санкции, которые следовали в качестве наказания для тех, кто отказывался сотрудничать с Комитетом и давать информацию о своих коллегах, были крайне тяжелыми. Увольнение означало длительную безработицу, потому что работодатели в целях собственной безопасности отказывались трудоустраивать «черносписочников». И если писатели и сценаристы могли найти выход из положения, используя псевдонимы и таким образом, хотя и за меньшие гонорары, обеспечивая себе и семье безбедное существование, то актерам и режиссерам приходилось сложнее. Большинство из них были вынуждены оставить карьеру и заняться другим видом деятельности. Тех же немногих, что отважились вернуться в мир кино в 60-е гг., ждало разочарование. Так, например, Ларри Паркс с триумфом снявшийся в картинах об Эле Джонсоне, уволенный по результатам слушаний за свое непродолжительное членство в КП США, появился на экране только в 1962 г. в эпизодической роли. Безденежье, долгий творческий застой, осознание нереализованных возможностей и как следствие чувство отчаяния, безысходности и страха за близких стали причиной безвременного ухода из жизни Джона Гарфилда, Эдварда Бромберга, Канады Ли. Покинули родину и переехали жить в Европу Джеймс Болдуин, Херберт Биберман, Ричард Райт, Лестер Коул, Олли Харрингтон. Отказали в возможности работать в Америке Бертольту Брехту и Чарли Чаплину²⁴.

Естественно, что многие представители творческой элиты не выдержали натиска Комитета и стали «сочувствующими свидетелями» либо воспользовались «великодушно» предоставленной НУАС возможностью вычеркнуть свое имя из «черного списка», совершив «обряд очищения». В каждом отдельном случае пожелавшим освободиться от бремени «черного списка» предлагалось либо написать открытое письмо-покаяние с последующей его публикацией на страницах популярных газет и журналов, либо выполнить функции платного агента-информатора с предполагаемым участием в качестве «сочувствующего свидетеля» на слушаниях Комитета. В нелепой до смешного ситуации оказался известный американский актер Хэмфри Богарт, которому предложили в письме-признании, подлежавшем публикации в известном юмористическом журнале, написать следующие слова: «я не коммунист, я просто американский дурень»²⁵. Писатель Мартин Беркли из-за страха испортить карьеру вступил в сотрудничество с Комитетом и установил своего рода рекорд, назвав имена около 155 своих

---

²⁴ См.: Hollywood Blacklist / By D. Georgakas / <http://www.spartacus.school-net.co.uk/USAhollywood.htm>

²⁵ См.: Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/schrecker-blacklist.htm>

коллег²⁶. Однако некоторые представители творческой элиты сознательно пошли на сотрудничество с НУАС, будучи убежденными в серьезной опасности, которую представляют коммунисты для национальной безопасности США, и в том, что их патриотический долг – принять посильное участие в ее устранении. Убежденными антикоммунистами, сотрудничавшими с Комитетом, были Бад Шульберг, Жозе Феррер, Элиа Казан и мн. др.

Известный писатель, сценарист, режиссер, поставивший на Бродвее «Все мои сыновья», «Смерть коммивояжера», «Трамвай желаний», Элиа Казан написал в своих мемуарах: «У меня было ощущение, что члены коммунистической партии должны быть изгнаны из всех укромных мест и преданы справедливому наказанию... Мне хотелось кричать, что коммунисты повсюду и надо выловить их всех и предать суду...»²⁷

Супруги Нэринг, наблюдавшие изменение настроений в американском обществе в конце 40 – начале 50-х гг., связывали его с политикой внедрения в массовое сознание американцев комплекса страха в отношении большевистской России. Американский народ, по мнению Нэрингов, заглотил наживку, приготовленную правительством, – миф о предстоящих в ближайшие годы военных акциях СССР – и стал совершенно покорным в решении вопросов перевооружения американской армии, увеличения масштабов финансирования военной отрасли, разработки долгосрочных стратегических военных доктрин и пр.²⁸ Правительство США добивалось именно этого от своего народа. И когда Дин Ачесон в очередном своем выступлении перед конгрессом охарактеризовал деятельность коммунистов в европейских странах как реальную угрозу безопасности Европы, то, вероятно, госсекретарь рассчитывал тем самым подготовить общественное мнение Америки к планируемому увеличению финансовых расходов на «...поддержание свободных народов, которые сопротивляются попыткам подчинения со стороны вооруженного меньшинства или внешнему воздействию»²⁹. Военная составляющая американского бюджета неизмеримо выросла в 50-е годы. Так, в 1950 г. США потратили на военные расходы около 12 млрд долл. при общем бюджете в 40 млрд, а в 1955 г. приблизительно 40 млрд при общей сумме бюджета в 62 млрд долларов³⁰.

---

²⁶ Gillon M. S., Kunz D. B. America during the Cold War. Philadelphia, 1993. P. 63–64.

²⁷ Цит. по: Kazan and Miller / http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/Kazan_and_Miller.htm

²⁸ См.: USA Today. P. 14–15.

²⁹ Цит. по: Трумэн Г. С. Выступление перед конгрессом США 12 марта 1947 года // Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: В 3 т. М., 2000. Т. 3. С. 214–215.

³⁰ См.: Excerpt from Howard Zinn's A People's History of the United States / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/zinn-chap16.htm>

Кроме профсоюзов, федеральных служб и Голливуда пристальное внимание конгрессовских комитетов привлекла также сфера образования. Еще в 1948 г. общественные школы и вузы страны под контролем комитета по образованию США включились в программу «За демократию», предназначенную для укрепления идеологии американизма усилиями учителей начальной и средней школы и профессорско-преподавательского состава колледжей и университетов. Ранней весной 1948 г. в Вашингтоне состоялась встреча представителей правительственной, школьной и вузовской администраций, на которой были выработаны объединенные рекомендации о включении в учебники для начальной, средней и высшей школы разделов, посвященных разъяснению опасности проникновения антидемократических сил в американские институты и организации. Администрация поставила перед профессорско-преподавательским составом задачу усиления доверия граждан к институтам американской демократии, прочность которой зависит от единства нации³¹.

В 1948 г. возник первый громкий конфликт в академической среде из-за процедуры проверки на благонадежность профессорско-преподавательского состава университета Джорджа Вашингтона. 26 профессоров университета отказались проходить тестирование на лояльность, проводившееся местным комитетом по антиамериканской деятельности, 37 – подали в отставку в знак протеста против унижительной процедуры, 3-е были уволены за членство в КП США. Руководство университета постановило, что «из-за некомпетентности и нарушения прямого долга – учить правде – преподавателям-коммунистам не место в стенах вуза»³². В учебном плане университета стало на 55 курсов меньше. Кроме того, члены комитета провели проверку списков литературы, используемой в преподавании целого ряда предметов³³.

Реакция на эти события по всей Америке последовала мгновенно. Более 120 учителей и преподавателей из более чем 140 колледжей выразили протест против унижительной процедуры проверки на благонадежность, предусмотренной Федеральной программой³⁴. И хотя правительство вскоре после этого отменило тест на лояльность, но давление на работников образования со стороны чиновников неизмеримо возросло. От них требовали сотрудничества с Комитетом, предоставления исчерпывающей информации о себе и других на слушаниях HUAC и отказа от использования V поправки для самозащиты. Вузовская администрация опасалась дурной сла-

---

³¹ См.: *Rose L. A. Op. cit.* P. 36.

³² Цит. по: *Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents* / <http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/schrecker-blacklist.htm>

³³ Ibid.

³⁴ См.: *Rose L. A. Op. cit.* P. 37.

вы и снижения авторитета вследствие комитетских расследований. Особенно тяжело пришлось преподавателям основ теории марксизма. Показательный пример приводят в своей книге журналисты супруги Нэринг.

В апреле 1955 г. сразу в трех периодических изданиях – газетах «Вашингтон Пост», «Кристиан Сайенс Монитор» и «Мансли Ревью» было опубликовано письмо за подписью пяти профессоров Гарвардского университета и пяти – Колумбийского в поддержку известного в научных и преподавательских кругах профессора Пола Свизи из Нью-Гемпшира, который некоторое время преподавал на экономическом факультете Гарварда. Пол Свизи привлек интерес министра юстиции Нью-Гемпшира из-за участия в президентской предвыборной кампании 1948 г. на стороне Прогрессивной партии и чтения лекций по экономической теории марксизма. Вызванный для дачи показаний в Министерство юстиции Свизи ответил на все вопросы, кроме вопросов о содержании читаемых им курсов, за что был обвинен в неуважении к правительству. В письме выражалась не только поддержка ни в чем не виновного коллеги, но также тревога за состояние академической свободы в стране, над которой нависла мрачная тень НУАС. Профессора выражали убеждение в том, что «свобода чтения лекций, свобода дискуссии и свобода по собственному усмотрению составлять учебные курсы существенно важны для поддержания здоровой атмосферы в университетах страны. Это уже стало традицией американских вузов доверять преподавателям, особенно в том, что касается содержания учебных курсов». Авторы письма выражали также обеспокоенность сложившейся во многих университетах страны ситуацией двойного контроля со стороны вузовской администрации, с одной стороны, и городских властей, с другой, что создавало, по их мнению, реальную угрозу свободе преподавания³⁵. Думается все-таки, что главным для профессоров являлось не беспокойство по поводу масштабов «террора в рамках закона», а желание избежать унижительной процедуры приведения читаемых курсов в соответствие с новыми политическими стандартами, на что вынужденно, из-за страха потерять работу пошли многие их коллеги. За период комитетских расследований с 1952 по 1954 г. в США потеряли работу свыше ста преподавателей вузов и несколько сот учителей школ и колледжей³⁶.

В 1950 г. следственные комитеты конгресса обрушились также на американских юристов. 17 сентября НУАС обвинил Национальную Гильдию юристов в том, что она являлась «главным инструментом в потоплении демократии в США»³⁷. На адвокатов, защищавших своих клиентов – чле-

---

³⁵ См.: USA Today. P. 125–127.

³⁶ В одном только Нью-Йорке в начале 50-х гг. работу потеряли около 300 учителей (см.: Gillon M. S., Kunz D. B. Op. cit. P. 63; Schrecker E. Op. cit.).

³⁷ Daily Worker. 1950. Oct. 24.

нов коммунистической партии США и всего лишь выполнявших свой профессиональный долг, надолго повесили ярлык идейных союзников коммунистов. Патрисия Босворс, дочь известного в Сан-Франциско адвоката, вспоминает, как трудно пришлось ее отцу, который выступал в качестве защитника на судебном процессе по делу «голливудской десятки», а в 50-е гг. подвергся социальному остракизму, потеряв клиентов, благополучие, став объектом пристального внимания агентов ФБР. Находясь в состоянии близком к отчаянию, Бартли Крам покончил жизнь самоубийством³⁸.

Стремясь обезопасить свою профессиональную деятельность от изнурительного внешнего давления, Американская ассоциация адвокатов создала специальный комитет по коммунистической тактике, стратегии и целям, призванный не допустить проникновения в адвокатское сообщество нелояльных лиц. Ассоциация также приняла резолюцию, запрещающую заниматься юридической практикой сочувствующим коммунистам и обратившимся за защитой к V поправке на комитетских слушаниях³⁹.

По подсчетам американского профессора из Йельской школы права Ральфа Брауна жертвами «черных списков» в 50-е гг. оказались около 10 тыс. американцев. Это были не только профсоюзные лидеры, представители творческой элиты Голливуда, актеры, работники радио и телевидения, адвокаты, учителя и вузовские преподаватели, но и рабочие металлургической и электротехнической отраслей промышленности, рабочие и служащие портов, работники социальной сферы, представители мелкого и среднего бизнеса и т. д.⁴⁰

Таким образом, объединенными усилиями Государственного департамента, конгрессовских комитетов, Министерства юстиции и ФБР правящей элите удалось внедрить в сознание рядовых американцев комплекс страха, ожидание внезапного военного нападения, ощущение предстоящей длительной борьбы если не с внешней угрозой, то с внутренней в лице коммунистов и их иностранных агентов.

Внедрение идеалов нового американизма, сопровождавшееся насаждением ложных образов и стереотипов, привело к определенным изменениям политической культуры американского общества. Именно в 50-е гг. в культуру американской нации вошли и надолго утвердились в ней такие элементы, как нетерпимость к любому рода идеям, имеющим конечным результатом трансформацию капитализма, возведение национальной безо-

---

³⁸ См.: Hollywood blacklist, per the Daughter of Bartley Crum/By P. Bosworth/
<http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/hollywoodblacklist.htm>

³⁹ Schrecker E. The Age of McCarthyism A Brief History with Documents/
<http://www.english.upenn.edu/~afilreis/50s/schrecker-blacklist.htm>

⁴⁰ Ibid.

пасности в категорию американской мечты и как следствие повышенная бдительность и рвение в том, что касается ее поддержания, высокая степень доверия правительству США в деле обеспечения национальной безопасности вплоть до готовности пожертвовать своими конституционными правами, подозрительность в отношениях с окружающими и пр.

Политика насаждения властью новых идеологических императивов была сжата во времени, а потому сопряжена с давлением, элементами насилия, сужением правового поля и защищенности по закону. Вынесенные участниками и очевидцами событий 50-х гг. впечатления как нельзя точно выразил известный американский сценарист, один из «голливудской десятки» Далтон Трамбо. Трамбо написал в своих мемуарах: «Время “черных списков” – дьявольское время. Никому не удалось избежать его последствий. Оказавшись в ситуации, вышедшей из-под контроля, американцы вынуждены были поступать в соответствии с обстоятельствами, пренебрегать убеждениями ради безопасности. Тогда было много веры и неверия, чести и бесчестия, смелости духа и малодушия, самоотверженности и оппортунизма, мудрости и глупости. Но не пытайтесь найти в том времени злодеев и героев, их там нет. Есть только жертвы. Кто-то пострадал больше, кто-то меньше, кто-то потерял все, кто-то приобрел. Но в конечном итоге мы все оказались жертвами, потому что всех нас принудили делать то, чего мы не хотели. Вот почему никто из нас, будь он левым, правым или центристом, не вышел из этого “ночного кошмара” без греха»⁴¹.

---

⁴¹ Цит. по: McCarthyism / <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/mccarthyism.htm>